

ОЛЬГА ГОЛОВИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

Ольга Головина

Вспомнить всё

«Автор»

2026

Головина О.

Вспомнить всё / О. Головина — «Автор», 2026

Иногда, чтобы узнать себя, нужно оказаться на краю. Она летела за новыми впечатлениями. Он, чтобы забыть, кто он есть. Встретились случайно. И разошлись бы навсегда, если бы судьба не решила иначе. Анатолий Романов привык управлять жизнью. Решать. Контролировать. У него есть всё: бизнес, деньги, свобода. Но есть вещи, которые нельзя купить. Когда мир рушится за один день, он понимает: всё, что он знал о себе, неправда. И единственный человек, который может помочь ему это увидеть, та самая девушка, которой он, сам того не желая, перечеркнул жизнь. Эта книга плод воображения. Все совпадения с реальными людьми, событиями, туристическими маршрутами, медицинскими протоколами и ценами на путёвки случайны. Автор не ставил целью документальную точность только правду характеров и честность эмоций.

© Головина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вспомнить всё

Глава 1.

– Послушай. У меня до отпуска два дня, я головой уже не здесь.

Романов вёл машину левой рукой, правой переключая режимы телефона.

– Проводите встречи по итогам продаж за месяц без меня и вытряхивайте душу из территорий. Мне имитация деятельности зачем?

Анатолий Романов говорил с напором. Круто выкрутив руль своей спортивной BMW, он буквально вонзил машину в пасть подземной парковки фитнес-клуба. От резкого манёвра по кузову словно прошла судорога, но он даже не поморщился, только пальцы сильнее сжали кожаную оплётку.

– Хорошо, Анатолий Кириллович, – раздался из громкой связи голос Алексея Денисова, исполнительного директора. – Хотя ваше присутствие их бы воодушевило...

– Их воодушевит отсутствие бонусов, если я не увижу результатов за второй квартал. – Романов резко заглушил двигатель. В наступившей тишине его голос прозвучал жёстче – металлическим. – Апрель с отрицательной динамикой и половина мая почти прошла. Сделаешь запись встреч, вышлешь мне.

В машине стало тихо.

– Нет. Нахера мне это надо в отпуске? Трахайтесь здесь сами.

Он говорил негромко, но каждое слово падало точно.

– Что меня интересует. План – факт. Какое отставание в моменте, что собираются сделать, чтобы его закрыть. План действий по каждому менеджеру, пошагово. Отгрузки в штуках и в деньгах. И посмотри продуктивные звонки менеджеров. – Он сделал короткий вдох. – Я не удивлюсь, если они никуда не звонят.

– Анатолий Кириллович, там всё сложно со звонками...

– Значит, будем упрощать. – Голос его звучал ровно, почти скучающе. – Через увольнения. Всё. Я занят. До связи.

Анатолий вышел из машины, подхватил с пассажирского сиденья спортивную сумку и захлопнул дверь. Глубокий малиновый корпус его «трёшки» на секунду поймал свет парковочных ламп, и Романов задержал взгляд на машине. Он коротко похлопал ладонью по прохладному металлу кузова и зашагал к лифтам, перебросив сумку через плечо.

В зеркальной кабине лифта наконец позволил себе расслабить плечи. Тридцать три года. Собственник компании по поставке медицинского оборудования в лаборатории по всей стране. Шесть лет назад он списал со счетов восемь лет учёбы на лечебном факультете Второго меда, легендарной Пироговки, и ушёл в бизнес. Но медицина из него так и не вышла. Она осталась в руках, в точности движений, в привычке сначала оценивать состояние, потом действовать. Осталась в голове, в короткой формуле, которую он усвоил, подрабатывая студентом на скорой: сначала спасаем – потом разбираемся.

С третьего курса он работал санитаром мыл пациентов и полы в операционной, менял бельё, таскал носилки. С четвёртого уже стоял в процедурке, ставил уколы, ловил вены под раздражённые взгляды медсестёр. С пятого брал ночные смены на скорой или в стационарах. К выпуску его руки не дрожали и он привык принимать решения, когда времени на раздумья нет.

Для родителей, Кирилла Сергеевича и Аллы Борисовны, людей старой закалки, это стало ударом. Они мечтали о первом враче в роду, а получили бизнесмена. Родители до сих пор до конца не понимали, как он зарабатывает деньги. Они принимали его дорогие подарки с мучительной внутренней борьбой, и Анатолий это видел. Но объяснять не пытался. Он вообще не любил объяснять.

Толя родился в день космонавтики, возможно, поэтому его тянуло туда, где воздух разрежен, где нельзя ошибиться, где решение принимается на пределе возможностей.

Дух противоречия сидел в нём с младенчества. Если он не хотел есть, тарелка с кашей немедленно переворачивалась на пол или себе на голову, не важно. Воспитательница в детском саду как-то застала его за тем, что он запустил обе руки в сахарницу, и топнула на него ногой. Он топнул в ответ. А если уж он обнимал кого, то душил в объятиях, не ведая меры.

При всей своей открытости и прямоте, с которой он выплёскивал на собеседника всё, что накипело, Анатолий обладал удивительной способностью вырезать целые куски реальности, делая их для других несуществующими. Он не врал. Он просто молчал. И если бы кто-то спросил, по какому принципу он отбирает то, о чём можно говорить, а что навсегда остаётся в его личном периметре, Романов искренне пожал бы плечами. Этого не знал и он сам.

В двенадцать лет он копил на велик, почти год. Отказывал себе во всём, откладывая все карманные деньги на мечту. Когда накопил нужную сумму, пришёл в магазин и обнаружил пустые карманы. Кто-то вытащил деньги из куртки в автобусе. Он не рыдал, не метался, не искал виноватых. Просто пришёл домой, лёг лицом к стене и пролежал до утра. На вопрос мамы *"Ты ужинать будешь?"* буркнул *"Не хочу"*. О том, что случилось, не рассказал никому. Ни тогда, ни потом. Через полгода накопил снова.

О том, что ушёл из клинической практики, родители узнали только через год, когда у него появился первый офис и снятая на скромные деньги квартира. Формально он бросил медицину. Фактически, просто сменил поле боя. Теперь он говорил на одном языке с заведующими лабораториями и врачами клинической диагностики, понимал их потребности с полуслова, знал, что им действительно нужно, а что маркетинговый шум. Просто вместо скальпеля выбрал прайс-лист.

В раздевалке он переоделся быстро, механически, хотя мысли продолжали работать на высокой скорости. За скоростью его мыслительных процессов окружающие часто не успевали. Он угадывал окончание фразы, как в игре «Угадай мелодию», со второго слова. Ему не нужно было разжёвывать контекст, рисовать на пальцах риски. Он видел картину целиком, пока собеседник только формулировал первую мысль. Поэтому часто перебивал, обрывал, завершал темы, которые считал пустыми, и молниеносно принимал решения, которые другим казались авантюрными. Но он не боялся рисковать, не боялся ответственности. Был лидером – волевым, независимым и, если его задевали, агрессивным.

В коллективе его опасались и уважали. Романов мог одним вопросом уничтожить подчинённого. На совещании, глядя на отчёт регионального менеджера, который жаловался на сложный рынок, Романов сочувственно качал головой:

– Петров, я понимаю, конкуренты злые, цены растут. Скажи, а у тебя самого-то голова на плечах есть, или ты её на корпоративе оставил? Ты мне тут про макроэкономику рассказываешь, а у тебя звонков активных – три штуки за неделю. Ты по ним что, молитвы читаешь, чтобы у нас закупили? Иди, работай, а не рассуждай».

Удар приходился точно в солнечное сплетение, лишая воздуха и желания спорить.

С женской частью команды мог флиртовать, но никогда не позволял себе оставлять следов катастрофы. Сегодня мысли Романова то и дело сворачивали с деловой траектории в личное. До отпуска в Индонезию оставалось два дня. Потрясающий тур на яхте по островам, с дайвингом, снорклингом и, главное, с сёрфингом, который он обожал. Четырнадцать дней рая, плюс два на дорогу. Он спланировал это ещё осенью, оплатил всё по максимуму, никакого стандарта, только комфорт. И не только за себя, но и свою женщину, Марину.

Марина Орешкина. Её образ всплыл в голове, и Анатолий почувствовал привычный коктейль из желания и раздражения. Под стать ему, огненная до мозга костей, горячая, порывистая, прямолинейная. Глаза навывкате, когда злилась, и бархатные, когда хотела любви. Два высших, острый ум, должность в пиаре, умение зажигать зал. Они познакомились полтора года

назад на конференции в Сколково, где он выступал спикером. Марина задавала вопросы из зала – цепко, умно, а потом подошла сама. Подошла и осталась в его жизни. Они никогда не жили вместе, оба слишком любили свою территорию. Вспышки между ними случались часто, такие же яркие, как их примирения, заканчивавшиеся бурным сексом.

Но последняя вспышка, вчерашняя, переполнила чашу. Анатолий лёг под штангу, и вес показался ему пушинкой по сравнению с тяжестью в голове. Разговор вернулся сам, без приглашения. Романов тогда только вышел из душа, мокрый, расслабленный, взял телефон и сразу понял: сейчас начнётся. Голос Марины в динамике звенел от обиды, которую она даже не пыталась скрыть.

– Марин, давай без захода с претензии. Сначала “привет”, потом всё остальное. – Голос звучал ровно, но уже холодно. – И мы это уже обсуждали. Не начинай по кругу.

– Иди к чёрту! – выкрикнула она. – Я тебе неделю назад писала, как меня подставили на работе, как я орала на подчинённых, как мне было херово! Ты ответил «держись». И всё. Не перезвонил, не приехал, даже цветы не прислал, как нормальный мужик. Для тебя мои проблемы это просто фоновый шум!

Он коротко выдохнул, провёл рукой по мокрым волосам.

– Потому что это твоя работа, Марин. И ты с ней справляешься. Я не обязан прилетать каждый раз, когда у тебя сложный день.

– Это маркер! Маркер того, что тебе на меня плевать!

– Нет. Это маркер того, что ты хочешь, чтобы вокруг тебя всё крутилось. – Он уже не сдерживался. – А у меня есть жизнь помимо тебя. Прими это. Ты требуешь, чтобы я подстроился под тебя. Я не подстроюсь. И я устал от тебя. Честно.

– Мудак! – заорала она. – Ты устал? Это я устала! Ты меня обесценил, как женщину! Мне нужно внимание и любовь.

Он усмехнулся – коротко, без тепла.

– Тебе нужно внимание, бери. Но не из меня насильно.

Внутри щёлкнуло.

– Про мудака я запомнил, – ответил он сухо. – А ничего, что я купил тебе поездку по островам? Это не про внимание?

– Вот и катись в свою поездку! – выпалила она и бросила трубку.

Он усмехнулся, глядя на погасший экран. *«Ну, ладно...»*

Романов привык решать, а не оправдываться. И в моменты, когда его зажимали в угол, бил наотмашь, не выбирая выражений. Однажды, во время очередной ссоры, не сдержался: *«Слушай, Марин, может, тебе попить успокоительное в эти дни? А то ты как необъезженная лошадь»*. Тогда она разревелась, а он неделю вымаливал прощение, заваливая цветами. Но сейчас вымаливать не хотелось. Хотелось тишины.

Он решил мгновенно. Едет один. Марина не знает ни вылета, ни аэропорта. Всё организовал он. Сам занимался визами и бронями, её загранпаспорт после оформления так и остался в его сейфе.

«Хватит. Достала. Разрыв».

Он резко сел на скамью, восстанавливая дыхание после подхода. Его не остановила потраченная сумма. Анатолий умел прощать себе такие потери, если они ложились в логику его свободы. Свобода дороже.

В его взгляде часто читался не холодный расчёт, а опасная мягкость, которая появляется у человека, привыкшего, что мир чаще всего соглашается с ним ещё до того, как он закончит фразу. Романов был не из тех мужчин, которых не замечают. Высокий, широкоплечий, с лёгкой, почти кошачьей грацией. Лицо открытое, с упрямым волевым подбородком, оттенённое русой трёхдневной щетиной, которую он поддерживал почти нарочно. Волосы тёплого блон-

динистого оттенка, с меловым холодком, лежали мягкими волнами. Глаза, уже не мальчише-ски голубые, а словно затянутые стальной дымкой, серо-голубые.

В нём сочетались мальчишеская открытость и взрослая ирония человека, который слишком много раз слышал «да» там, где другие получают отказ. Его уверенности позавидуешь, упёртости тоже.

Для женщин он мужчина, после встречи с которым несколько дней ноет сердце, а потом они долго не могут объяснить подругам, почему же, чёрт возьми, ничего серьёзного так и не произошло. Ответ прост. Он относился к тому типу мужчин, про которых говорят летний пол-день. Прекрасен. Ярок. И совершенно не предназначен для того, чтобы оставаться навсегда.

Он не женат и не планировал. Его устраивали свободные отношения с женщинами, по поводу чего с родителями велась постоянная, затяжная война. Кирилл Сергеевич и Алла Борисовна хотели внуков, но никакие намёки, по меткому выражению отца, не могли «вывести их барана на нужный тренд».

Накачав мышцы, но не успокоив нервы, Анатолий вышел из фитнес-клуба. Вечерняя Москва встречала его гулом машин и морсящим дождём. Он сел в машину, завёл двигатель и подумал:

«Завтра нужно съездить к родителям, попрощаться и ключи оставить от квартиры».

Он вырулил с парковки. Впереди дорога домой, где его ждал раскрытый чемодан и тишина, которую он так хотел.

Глава 2

– Так, Аля. Вот всё, что ты просила, – Кирилл Сергеевич Романов выгружал на кухонный стол туго набитые пакеты, и в его голосе звучала гордость человека, успешно выполнившего миссию. – Не нашёл только базилик. Переживём?

– Переживём, – отозвалась Алла Борисовна, уже расставляя на столе контейнеры, готовясь к ритуалу раскладки продуктов. Её руки двигались размеренно, каждая вещь знала своё место: сыр в холодильник, крупы в шкафчик, овощи в нижний ящик.

– Ещё мороженое купил и молока, тебе на коктейль, – добавил он, будто между прочим, но в интонации сквозило довольство: он помнил, она любит.

– Спасибо тебе, мой родной, – Алла Борисовна подошла и приобняла мужа за талию, прижавшись щекой к его плечу. Жест был привычным, отточенным за десятилетия, но в нём не чувствовалось механической повторяемости, только тепло.

Кирилл Сергеевич на секунду замер, принимая эту благодарность с внутренним удовольствием. Алла всегда чувствовала, ему дороги такие моменты.

– Во сколько он придет?

– К часу обещал. На обед.

Алла Борисовна замерла на мгновение, глядя на мужа, и в этом взгляде мелькнула тень, быстрая, взмах крыла. Она ничего не сказала, только продолжила раскладывать продукты.

Кирилл Сергеевич распахнул холодильник и с размаху сунул колбасу на полку. Туда же, не глядя, полетели две пачки масла и творог, приземлились с глухим стуком.

– Что? – спросил он, не оборачиваясь.

– Ничего, – Алла Борисовна слегка улыбнулась. Но Кирилл Сергеевич только крикнул.

– Ну, ты же хотела что-то сказать? Говори уж.

Он захлопнул холодильник и повернулся к жене, скрестив руки на груди. Поза закрытая, но глаза смотрели мягко. Он всегда так смотрел на неё, даже когда спорил.

– Не пили его сегодня, – тихо сказала Алла Борисовна, выпрямляясь и глядя мужу в глаза. – Он едет так далеко и не приходил почти месяц. Он вообще перестанет к нам приходить, если будет чувствовать себя неудобно.

– Неудобно... – Кирилл Сергеевич покачал головой, будто пробуя слово на вкус. – Слово-то какое подобрала. А кто ему скажет правду, если не мы? Тридцать три года – возраст Христа. Детей нет, семьи нет. Он как будто всё время куда-то бежит. Только не к жизни, – добавил он уже тише.

– Вот, – Алла Борисовна подняла палец.

– Что "вот"? – Кирилл Сергеевич снова открыл холодильник, словно проверяя, всё ли закинул.

– Вспомни себя молодым. Тебя бы точно выбесило, если бы тебе это сказали. Это сравнение, "возраст Христа", ему сейчас со всех сторон твердят. А гонка эта безумная, да...

Разговоры про образ жизни сына время от времени поднимались Кириллом Сергеевичем в виде прямых вопросов Толе. И эти разговоры никогда не заканчивались хорошо. Алла Борисовна прижала руки к груди.

– Ты помнишь, как он в двадцать пять сказал, что не женится никогда? И что наша архаика его достала. Что люди устают друг от друга и на каждом отрезке жизни будет свой человек и это нормально, – тихо сказала Алла, глядя в чашку.

– Помню, – хмыкнул Кирилл Сергеевич. – Я тогда чуть стол не перевернул.

– Ты не стол перевернул. Ты его чуть из дома не выгнал.

– Потому что есть понятие семейных ценностей! Можно скакать, как мотылёк, опыляя вокруг себя ромашки, чёрт с тобой. Но тогда уж не заводи детей, чтобы они не страдали. А

жизнь без продолжения рода я считаю пустой. И мужика, который не может взять на себя ответственность в этом вопросе, а думает только о том, как бы повеселее прожить его ничёмную жизнь, я не понимаю. Это моё мнение. Я его никому не навязываю, – резко закончил Кирилл Сергеевич.

Алла Борисовна посмотрела на него с некоторым недоумением, но промолчала.

– Что?

– Я с тобой полностью согласна, – сказала она, вздохнув. – Только здесь не про ответственность. С ответственностью там всё в порядке, судя по его работе.

Она замолчала на секунду, собираясь с мыслями.

– Наверное, это всё же про выбор, Кира. Он всегда выбирает или всё, или ничего. Может быть и отношения строит так же, мы просто не знаем. Или семья или свобода. Или любовь или независимость. Или идеальная женщина или никакой. А жизнь устроена так, что приходится брать и то и другое, по чуть-чуть, и мириться с неидеальностью. Он этого не умеет.

Алла Борисовна помолчала, глядя в окно. Иногда ей казалось, что сын живёт так, будто падать ему нельзя. Ни разу. И от этого становилось страшно.

Она вздохнула и опустилась на стул, обводя взглядом кухню, уютную, родную, с вазочками на полках и старой люстрой, которую они купили ещё в девяностые. Взгляд задержался на раскрытом холодильнике, где всё лежало кое-как, Кирилл Сергеевич никогда не умел раскладывать продукты, это была её территория.

– Я столько всего передумала о нём... – голос её дрогнул. – Не понимаю, что не так. Говорят, корни нужно искать в воспитании. Но у него такой пример перед глазами в твоём лице... Я не знаю. Может, мы где-то передавали... или наоборот, не додали... – она сжала пальцы.

– И я не знаю, – буркнул Кирилл Сергеевич, но из тона пропала прежняя воинственность. – Внуков мы не дождёмся, как я понимаю.

– Да вот не факт.

Он уставился на жену. Алла Борисовна поняла, что фраза прозвучала двусмысленно.

– Я в том смысле, – поспешно добавила она, – что ребёнок может появиться и без семьи. Просто мы с тобой к этому ребёнку никакого отношения иметь не будем и знать про него, скорее всего, тоже.

Лицо её стало печальным и потерянным. Кирилл Сергеевич захлопнул холодильник, на этот раз аккуратнее и подошёл к жене. Тяжёлая ладонь легла ей на плечо, пальцы чуть сжались, передавая тепло.

– Слушай, – сказал он мягко, почти шёпотом. – Да чёрт с ним. Пусть живёт, как хочет. Всё равно всё сделает по-своему. Я не буду ему ничего говорить. В конце концов, мне главное, чтобы... – он запнулся, подбирая слова. – Чтобы ты не переживала. Давай собаку себе заведём? Хочешь?

– О, Господи! – Алла Борисовна всплеснула руками, но в глазах уже затеплилась улыбка. – Кира, какую собаку? Кто с ней будет гулять? У тебя давление, у меня ноги.

– Ну, тогда кота, – не сдавался он. – Коты сами гуляют.

История Кирилла Сергеевича и Аллы Борисовны началась задолго до этой кухни, задолго до Толика, задолго даже до их свадьбы. Она началась в душный летний день, когда он, двадцатилетний студент третьего курса, согласился подменить знакомую в приёмной комиссии.

Кирилл вообще легко соглашался на такие вещи. Друзья знали: если нужно кого-то встретить, куда-то съездить, что-то организовать – звони Романову. Это свойство, лёгкость на подъём, осталось с ним навсегда.

В тот день они сидели с приятелем за столом, заваленном папками, и от нечего делать развлекали себя чтением имён абитуриентов.

– Ядвига! – хмыкнул приятель. – Ты слышал такое имя?

– А это! – Кирилл ткнул пальцем в другую строчку. – Борислав. Склеили Борю со Славой, что ли?

– Ты фамилию глянь, Шерамышкин. Такое бывает?

– А это вообще, – Кирилл нашёл глазами нужную строку, – палиндром какой-то. Имя дурацкое. Алла.

Он засмеялся, поднял глаза и замер.

Перед столом стояла девушка. Невысокая, стройная, отчего казалась почти миниатюрной. Две русые косы, аккуратный вздёрнутый носик и серо-зелёные глаза. На щеках играл румянец, то ли от жары, то ли от смущения.

– Здравствуйте, – тихо произнесла она. – Я, наверное... меня зовут Алла.

Приятель рядом тоже замер. Потом они оба, синхронно, как по команде, встали. И оба заулыбались глупо, растерянно, по-мальчишески.

– Прости, – выдохнул Кирилл. – Мы просто играли тут, от нечего делать. Не со зла.

– А я пакет оставила, – девушка указала на край стола. – Копии документов приносила и вот... забыла.

Она говорила спокойно, не демонстрируя обиды, но Кирилл вдруг остро почувствовал: она хочет уйти. Девушка развернулась, и в этом движении Кирилл увидел столько достоинства, что решил: сейчас или никогда.

– Стой! – выпалил он, удивив самого себя. – Я должен загладить вину! Молочный коктейль хочешь?

Алла остановилась. Медленно повернулась. Посмотрела на него, и в этом взгляде уже не было желания убежать, только лёгкое удивление и что-то ещё, что Кирилл тогда не сумел распознать, а потом вспоминал всю жизнь.

– Ты не виноват, что моё имя тебе не нравится, – сказала она просто. – Мне оно самой не очень нравится. Так что заглаживать нечего.

Она сделала паузу. Кирилл затаил дыхание.

– А молочный коктейль я люблю, – улыбнулась Алла. – Очень.

Через месяц он понял, что не представляет жизни без этой улыбки. Через пять, в ноябре, сделал предложение. А в декабре они уже играли студенческую свадьбу скромную, весёлую, на которую собралась вся общага. И с этого момента стало ясно: рядом с ней он будет учиться не только действовать, но и слушать.

На втором курсе Алла позвонила Кириллу расстроенная:

– Представляешь, завалила историю. Преподаватель сказал, что я отвечаю не по билету, а из головы. А я учила, честно!

– Так, – Кирилл мгновенно включил режим решения проблем. – Завтра я схожу к нему, поговорю. Мужик, наверное, принципиальный, надо объяснить, что ты отличница. Я умею с такими разговаривать.

Алла помолчала.

– Кир, не надо. Он пожилой, заслуженный. Если ты придёшь и начнёшь... ну, напористо, ему это вряд ли понравится.

– А что предлагаешь? Сидеть и ждать?

– Думаю, лучше я сама подойду на консультацию. Спрошу, что не так, как ему нравится отвечать. Он же не зверь, просто у него своя манера.

Кирилл хотел возразить, он привык действовать, пробивать, решать. Но вдруг понял: она права.

– Ладно, – сказал он нехотя. – Твой преподаватель, тебе виднее.

Через неделю Алла пересдала на пятёрку.

– Ну что, – улыбнулась она, – не пришлось моему рыцарю спасать принцессу?

– Принцесса сама спаслась, – проворчал Кирилл, но в голосе звучала гордость. – Умная у меня принцесса.

Они не спешили с детьми. Кирилл считал: сначала образование, твёрдая почва под ногами. *"Всему своё время, Аля. Ребёнок не должен знать нужды"*. И она согласилась, потому что привыкла ему доверять. После университета Кирилл ушёл в науку. Биофизика, лабораторные исследования, сложные приборы, его мир был миром точных измерений и строгих формул. Он защитил диссертацию, потом докторскую, его статьи публиковали в ведущих журналах, а доклады на конференциях собирали полные залы.

Алла Борисовна закончила биологический факультет, в дипломе значилось: «биолог, преподаватель биологии». Первые годы после института она работала в лаборатории при НИИ эпидемиологии, сидела с пробирками, писала отчёты, мечтала о большой науке. Но в девяностые институт лихорадило, зарплату задерживали, а потом и вовсе сократили половину ставок. Алла Борисовна тогда не стала искать новое место в науке, слишком ненадёжно.

Репетиторство началось случайно. Кому-то из знакомых понадобилось подтянуть ребёнка по биологии перед экзаменами. Алла Борисовна согласилась помочь, просто так, по соседски. А когда ученик неожиданно поступил в медицинский, потянулись другие. Сарафанное радио работало безотказно: *«Та самая Романова, которая готовит с нуля до поступления»*.

К тому времени, когда Толик пошёл в старшие классы, Алла Борисовна уже зарекомендовала себя, как репетитор с именем. К ней записывались, родители передавали её номер из рук в руки как семейную реликвию. Она знала все подводные камни вступительных экзаменов, все слабые места абитуриентов, все темы, на которых сыпались даже отличники. И когда встал вопрос о подготовке собственного сына, сомнений не возникло: только сама.

Они занимались два года. Не как мать с сыном, как требовательный педагог и способный, но расслабленный ученик. Она гоняла его по тестам, заставляла пересдавать, если результат ниже ожидаемого, и не делала скидок на усталость.

Толик поступил в Пироговку с первого раза. Экзамены сдал на отлично, хотя на собеседовании чуть не провалился, слишком прямолинейно отвечал, не так, как ждут. Но высокие баллы позволили с запасом перекрыть проходной. Родители тогда обрадовались. Их мальчик станет врачом.

Они прожили вместе почти сорок лет. И до сих пор по утрам Кирилл Сергеевич варил жене кофе, а она завязывала ему шарф, когда он уходил на лекции. И до сих пор, ссорясь, они мирились до заката, потому что засыпать в обиде друг на друга считали глупостью.

И до сих пор, когда он говорил "давай заведём собаку", а она отвечала "у тебя давление", оба знали: это просто способ сказать друг другу "я здесь, я с тобой, мы справимся".

В прихожей зазвенел звонок.

– Приехал! – Алла Борисовна вспорхнула со стула, и лицо её мгновенно преобразилось: печаль ушла, осталась только радость.

Кирилл Сергеевич одёрнул рубашку и направился к двери открывать.

– Ну, встретим блудного сына, – буркнул он, но глаза его смотрели на дверь с тем же нетерпением, что у жены.

Глава 3

– Всем привет! – Анатолий с порога поднял руки вверх, как нашкодивший мальчишка, которого вот-вот поймают, но он всё равно рад. – Вкусно пахнет у вас!

Он быстро оглядел прихожую, всё на своих местах, чисто, спокойно. Здесь ничего не менялось.

– Здравствуй, мой родной, – Алла Борисовна обняла сына, прижалась щекой к его груди, до плеча она уже не доставала, сколько ни тянулась. – Как я рада тебя видеть. Ты смотри, уже загорел. Когда успел?

– Солярый, – коротко бросил Романов. – Интенсивный курс.

– Здравствуй, – Кирилл Сергеевич приобнял сына за плечи, слегка. – Ты на машине?

– Да. Еле место нашёл для парковки. Мам, я тебе уколы привёз. Для суставов, те, рецептурные. В холодильник убери, – сказал он буднично, как факт, уже разуваясь.

Алла Борисовна на секунду замерла.

– Толя... спасибо, – тихо сказала она.

– Потом покажешь, как колешь. Если неправильно, скорректируем, – добавил он коротко.

Он любил своих стариков. До какой-то поры он принимал добрые, надёжные отношения в семье как должное. Пока жизнь не начала время от времени стучать в его мир тяжёлыми кулаками через одноклассников, а потом и через сокурсников в институте. Он не сразу понял, что живёт внутри редкой конструкции, где не ломают друг друга.

Мир оказался совсем не таким, каким Анатолий видел его из окна своей реальности.

Он запомнил тот день в институте на всю жизнь. Сокурсник, Серёга Ковалёв, пришёл на лекцию с чудовищным фингалом. Заплывший глаз, рассечённая бровь, скула лиловая. Кто-то спросил, не в драку ли ввязался. Серёга усмехнулся криво и сказал невозмутимо, как о погоде: *«Батя полез бить мать. Я защищал, ну и прилетело»*.

Толя тогда впервые в жизни физически почувствовал, как земля уходит из-под ног. Защищал мать? От отца? Он не мог сложить это в одну картину. Представить отца, замахивающегося на маму, было невозможно, это значило бы представить, что солнце может взойти на западе, а вода гореть огнём.

Толя вспоминал единственную ссору, свидетелем которой стал в старших классах. Отец пришёл с работы злой, что-то случилось с экспериментальной установкой, полгода труда насмарку. Мама позвала ужинать, он отмахнулся: *«Не хочу, оставьте меня в покое»*. Мама поставила тарелку на стол, села напротив и сказала тихо, но твёрдо: *«Кир, ты можешь злиться на свою установку, но голодным я тебя не оставлю. Поешь. Потом будешь злиться дальше»*.

Отец сверкнул глазами, хлопнул ладонью по столу так, что ложки подпрыгнули и вышел из кухни. Толя замер в коридоре, прижимаясь к стене. Он только что вернулся с бадминтона и застыл, не зная, показываться или нет. Мама вздохнула, накрыла тарелку крышкой и села за свои конспекты.

Через час отец вышел из комнаты, подошёл к маме сзади, обнял за плечи и буркнул в макушку: *«Я это... погорячился. Остыло всё, небось?»* – *«Разогрею»*, – ответила мама, и погладила его по руке. И всё вернулось на место без слов, без разбора, без победителей. Они не разрушали даже когда были на грани.

Уже позже он понял: главное происходило не при нём. Они умели закрывать дверь, если разговор становился жёстким. Умели не делать его свидетелем того, что можно решить вдвоём. Не втягивали. Не делили его. Не искали в нём союзника.

В старших классах, в переходном возрасте, когда хочется всё мерить на свой аршин, Толю иногда раздражало, что отец принимает решения с оглядкой на мать. За глаза, в разговорах с друзьями, он называл его «подкаблучником». Вслух бы никогда не осмелился так сказать.

С годами он понял: это не слабость, а уважение к человеку, чьё мнение важно. Мама была спокойной, точной в словах, как второе мнение у хирурга. И отец всегда прибегал к этому мнению, понимая, что только усилит своё решение.

– Как вы тут? – спросил Анатолий, падая на диван и раскидывая руки по спинке. – Соскучился по вам.

– Нормально, – отец присел в кресло напротив. – Ты как?

– Тоже нормально. Вот, завтра еду в свой персональный рай.

– Ну, расскажи нам, – Алла Борисовна вошла с тарелками, и мужчины синхронно встали, начиная помогать. – Куда. Что это будет. Нам же интересно.

Анатолий рассказывал, раскладывая салфетки и приборы. Шестнадцать дней, четырнадцать из которых на яхте. Сначала Джакарта, потом внутренний перелёт на Суматру, потом острова НИас, БатУ, МентАвай, ЭнгАно. Кирилл Сергеевич слушал, хмыкал, а потом исчез в кабинете и вернулся с огромным атласом мира, тем самым, с которым Толя в детстве путешествовал, не выходя из комнаты.

Они втроем склонились над столом, и Толя карандашом рисовал маршрут, ощущая, что ему снова двенадцать.

Отец начал заниматься с ним задолго до школы. Кирилл Сергеевич вообще считал, что развивать ум нужно с того момента, как ребёнок начинает задавать вопросы. И он не просто отвечал, он учил спрашивать дальше.

В их квартире всегда жили книги. Не те, что стоят для красоты в шкафах, а зачитанные, с загнутыми уголками, с пометками на полях. Кирилл Сергеевич читал Толе вслух самые интересные статьи из журнала «Науку и жизнь», а потом они обсуждали. В выходные часто ходили в музей. Политехнический, Дарвиновский, Планетарий, звёздное небо над головой и рассказы о чёрных дырах, от которых у Толи захватывало дух. В те годы, когда сверстники зависали в компьютерных клубах, Толя мог заспорить с отцом о теории относительности или устройстве адронного коллайдера.

Так Кирилл Сергеевич сумел создать для сына островок стабильности: знания это то, что у тебя никто не отнимет.

– Ты с друзьями едешь? – спросила Алла Борисовна, наливая чай.

– Один, – Анатолий поймал мамину руку и поцеловал. – Там сборная группа. Никого не знаю. Зато познакомлюсь.

Мама значила в его жизни не меньше отца. Она учила его не только понимать, чувствовать, замечать. Когда у отца болела голова, именно мама говорила: *«Толя, не шуми, папе плохо»*. Когда у одноклассника умерла собака, мама объяснила, что не надо лезть с расспросами. *«Иногда самое главное, что ты можешь сделать для человека, просто быть рядом и молчать»*, – говорила она.

Биологию он знал назубок благодаря ей, потому что она умела рассказывать о сложном просто и увлекательно. Фотосинтез, маленькая фабрика внутри листа. Клетка, целый город со своими электростанциями и мусороперерабатывающими заводами. Человеческое тело, вселенная, где каждую секунду происходит миллиард чудес.

Она приучила его к порядку, но не через скандалы и приказы, а через личный пример. *«Каждая вещь в доме должна иметь своё место»*, – говорила она, раскладывая бельё в шкафу. – *Тогда ты всегда знаешь, где что искать и не тратишь время на суету»*. Толя и сейчас, в своей квартире в Хамовниках, раскладывал вещи с маминой педантичностью.

И главное, научила, что дом, это место, куда хочется возвращаться. Когда отец ушёл на кухню, унося тарелки, Толя с улыбкой спросил:

– Ты отца обработала? Ни вопросов, ни подколов.

Мама задумалась на секунду, потом ответила, глядя сыну прямо в глаза:

– Мы хотим, Толя, чтобы этот дом оставался для тебя домом. А это значит, нам нужно держать баланс между своими вопросами и твоими границами.

Анатолий посерьёзnel.

– Спасибо, мам. Это ценно для меня. Я всё понимаю и все ваши вопросы во мне. Ты же знаешь.

– Знаю, дорогой. И не хочу тебя ранить лишний раз.

Она замолчала. Вернулся Кирилл Сергеевич, неся пирог на деревянной доске.

– Ты ключи принёс? – спросил он, ставя доску на стол.

– Да, пап. – Толя достал из кармана джинсов связку. – На всякий случай, если что-то прорвёт. Ваш телефон как резервный указан, сразу найдут.

Потом, будто вспомнив о чём-то не слишком важном, добавил, доставая конверт:

– Вот этот конверт, отправь через нормальную логистическую компанию? Адрес и контактное лицо есть. С вручением. Чтобы точно дошло.

Кирилл Сергеевич кивнул, не уточняя. Тема с передачей загранпаспорта Марине закрылась. На отца Романов полагался, как на себя.

Толя вдруг улыбнулся и потёр руки.

– Это что? Наш «возвратный пирог»?

– Ну, – хмыкнул отец. – А как же без него с такой-то поездкой.

Алла Борисовна всегда пекла такой пирог накануне отъездов и говорила: «Возвратный пирог – чтобы домой вернуться легко и в срок».

В доме Романовых вообще берегли традиции. Дни рождения здесь были не формальностью, а событием. Мама пекла торт, отец украшал комнаты, и когда собирались гости, дом оживал. Играли в фанты, придумывали шарады, смеялись так, что стиралась разница между взрослыми и детьми. В какой-то момент гасили свет, вносили торт со свечами, и Толя, глядя на огоньки, загадывал желание, как умеют только дети.

Новый год тоже жил по своим законам. С конца декабря в квартире пахло хвоей и мандаринами. Ёлку наряжали вместе, перебирая старые игрушки. Тридцать первого вечером шли в театр или в Концертный зал Чайковского: мама в любимом платье, отец в костюме, Толя в пиджаке, который терпел ради ощущения праздника. Музыка, свет, ожидание, всё это оставалось внутри надолго.

А после, возвращались домой, садились за стол, провожали год и встречали новый. И заканчивалось всё поиском подарков. Отец прятал их по квартире, оставлял записки, и Толя шёл по этим следам, где в конце всегда ждало маленькое чудо.

Сейчас, оглядываясь назад, Толя понимал: они создали для него мир, в котором безопасно, тепло и надёжно.

А про себя знал, опираясь на опыт своей семьи и на то, что видел в семьях друзей: создать такую семью, как у родителей, невозможно. Сравнение казалось убийственным. Легче не пытаться. Не потому, что не хотел – хотел. А потому что такие системы не повторяются: слишком много переменных, слишком мало веры, что у тебя получится.

Существовала и другая правда, которую он редко формулировал вслух. Свобода, к которой он привык, плохо сочеталась с семейной жизнью. В его графике – слишком много работы, поездок и случайных встреч. Женщины появлялись легко, красивые, умные, яркие и так же легко уходили. Он не держал. И не позволял держать себя. Не обещал им того, чего не собиравался давать. Отдельная квартира являлась символом самостоятельности, где он жил по своим правилам, не объясняясь ни перед кем.

Он съехал от родителей, когда понял: пора выходить из тёплой ванны. В этой ванне хорошо, безопасно, уютно. Но мышцы в ней не растут. Он понял это не сразу. Это зрело годами,

пока он наблюдал за друзьями, которые рано начали самостоятельную жизнь, кто в общежитии, кто на съёмных квартирах, кто в браке. Они быстрее принимали решения, ошибались и учились на своих ошибках. Амбиции росли. Анатолий хотел успеха, который измеряется не родительским одобрением, а в деньгах и контроле над своей жизнью.

В институте он столкнулся с другой реальностью. Если раньше он думал, что люди болеют от старости или имеют генетические предрасположенности, то теперь увидел живые огнестрелы, изувеченные в драках тела, жертв насилия. Мир за пределами их квартиры оказался жестоким местом и не прощал ошибок, не давал вторых попыток просто так.

И чем глубже он погружался в эту реальность, тем отчётливее понимал: родительский дом должен остаться заповедником.

Он не боялся за себя. Учился давать сдачи, учился видеть угрозу за полшага, учился принимать решения быстрые, иногда жёсткие. И никогда не перекладывать ответственность. Но мысль о том, что однажды этот мир может добраться до его родителей, до мамы с её доверчивой улыбкой, до отца с его академической прямоотой, просто исключил как вариант. Это зона, которую он контролировал.

Поэтому решение уйти стало не просто про взросление, но и про защиту. Чтобы они никогда не узнали, с кем он на самом деле конкурирует. Чтобы в их квартире всегда пахло пирогами, и звучала тихая музыка.

Квартира в Хамовниках появилась не сразу. Сначала съёмная комната в спальном районе, где по ночам дрались алкаши под окнами, и он лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в мат и шаги на лестнице. Потом маленькая студия на окраине, где впервые заснул без оглядки на дверь. Потом уже своя, большая, с консьержем и домофоном.

Родители остались в полчаса езды. Всегда готовые принять, накормить, обнять. Но теперь, по его желанию, а не по умолчанию.

Он вышел из «тёплой ванны». Воздух обжигал лёгкие. Он научился дышать этим воздухом, научился жить в этом мире. Но входя в родительскую квартиру, он каждый раз сбрасывал эту броню у порога. Здесь он снова становился просто Толей, сыном, который пришёл на обед. Которого по-прежнему любят, ждут и всегда накормят тем самым пирогом.

– Ну что, – Кирилл Сергеевич поднял чашку с чаем. – За отличную поездку и возвращение?

– За возвращение, – улыбнулся Толя.

– Маршрут покажешь ещё раз потом, – добавил отец. – Я гляну, где у тебя там узкие места.

Толя усмехнулся.

– Покажу. Но там всё просчитано.

– Посмотрим, – спокойно ответил Кирилл Сергеевич. И в этом «посмотрим» звучало не сомнение, а привычка проверять.

Чай был горячим, пирог яблочным с корицей, а родители рядом.

Глава 4

Он уже подъезжал к аэропорту, когда мобильный вспыхнул. Анатолий ждал этого звонка ещё вчера.

– Да, – ответил он ровным голосом.

– Где ты? – голос Марины звучал сдержанно, но по вибрации было сразу понятно, какого усилия ей это стоит. – Мой паспорт у тебя? Когда тебя ждать?

– Никогда.

– Не поняла... Что ты имеешь в виду? Мы сегодня вылетаем в Индонезию?

– Мы расстались вчера, если ты ещё не поняла.

Наступила пауза.

– Я ничего не понимаю. Толя. В чём дело? Ты хочешь, чтобы я попросила прощения? Или что?

– Как мило... Ты назвала меня мудаком, послала к чёрту и сказала катиться «в свою поездку». Я всё делаю в соответствии с твоей инструкцией, – он улыбнулся. – И да, я уже взлетаю.

Тишина. Потом короткое, отточенное:

– Козел.

– Баран, – поправил он вслух, уже понимая, что говорит в пустоту.

Такси мягко ткнулось в бордюр. Анатолий выдохнул, сунул телефон в карман и вышел под московское небо, которое сочувственно моросило.

Он тащил лонгборд-чехол с доской и чемодан к стеклянным дверям, когда телефон зашёл мелодией из «Профессионала». Марина решила, что разговор не окончен. Толя нажал отбой, не глядя. Она набрала снова. Еще отбой. Еще звонок.

Войдя в терминал, он наконец выключил звук. В терминале пахло кофе, мокрыми куртками и авиационным керосином, который всегда каким-то образом пробирался даже сквозь стекло. И тут же прилетело сообщение. От Марины.

«Будь ты проклят в этой поездке!»

Толя прочитал и хмыкнул. Где-то под ложечкой неприятно кольнуло, но он привычно задвинул это чувство подальше. С женщинами, которые шлют проклятия, лучше не иметь дел.

На секунду задержал взгляд на экране, проверяя себя на слабость. Нет. Ничего не откликнулось. Он убрал телефон, как закрывают вопрос. Марина сама провела чёрту, просто не поверила, что он её не сотрёт. Осадок остался, но решение не сдвинул.

Романов открыл чат группы, который создала туристическая компания, и написал:

«Я в аэропорту, под табло вылета. Можем собраться здесь. Анатолий Романов»

Сделал селфи и выслал в группу. Первой прилетела реакция от Ольги Серовой. «Я тоже здесь. Ольга». Иконка – женское лицо в профиль.

Потом посыпались остальные:

«Никитины. В такси. Подъезжаем».

«Обматываем чемоданы. Ермолаевы. Минут 10».

«А что? Могут залезть в чемодан? Я вошёл. Потапов».

«Я прошла к гейту 11, как указано в билетах. Приехала рано. Варвара».

«Какое имя дурацкое, Варвара». – Подумал Романов. Но мысль тут же переключилась сама собой, потому что к табло, чётко печатая шаг, приближалась женщина, мимо которой невозможно пройти, не задержав взгляд. Она шла так, будто под ногами не скользкая плитка аэропорта, а подиум. Высокие каблуки красных босоножек ставились точно в носок другой – след в след. Бедра двигались ровно настолько, чтобы это выглядело красиво, но не вульгарно.

Смотрела прямо на него и Толя улыбнулся. Отметил сразу: не суетится, держит темп, держит взгляд. Не просто красивая, управляет вниманием.

– Полагаю, ты Ольга?

– Полагаю, ты Анатолий?

Голос у нее оказался таким же, как походка, уверенным, чуть низковатым, обещающим. Ольга была красива той красотой, за которой стоит ежедневная работа. Блондинка – статная, спортивная, с прямой спиной человека, привыкшего держать осанку. Высокая грудь, чёткие скулы и безупречный макияж не яркий, но без единой ошибки. Цвет глаз Анатолий не смог определить, зато точно узнал аромат духов. Запах мокрых карандашей. «Ангел».

– Романов? – переспросила она, чуть склонив голову. – Тот самый, который в одной каюте с Орешкиной?

Толя усмехнулся.

– Тот самый. Только Орешкина в последний момент решила, что ей больше подходит статус «свободная женщина».

Сказал легко, но с точной интонацией, в которой всё: тема закрыта, не драматично и навсегда. Контакт состоялся сразу, без лишних ходов.

– А ряд у тебя какой?

– 17С.

– У меня 25А.

– Попросим поменяться, – Толя улыбнулся. – Не проблема.

Он не спрашивал, решал, как будто вопрос уже закрыт. Подходили остальные.

Ермолаевы из Екатеринбурга появились почти незаметно. Светлана и Николай двигались спокойно, без суеты, будто у них в запасе вечность. Ей тридцать, ему тридцать, двое детей-школьников остались с бабушками. Она не работала, домохозяйка, с добрым приветливым лицом. Слушала внимательно, кивала, смотрела в глаза и не лезла в телефон, редкое качество в мире, где экран стал важнее собеседника. Николай работал программистом в московском банке, но переезжать в столицу не собирался: получать московскую зарплату, а тратить ее в Екатеринбурге было их семейной стратегией. Он больше молчал, но молчал не от робости, а от привычки сначала проанализировать, потом говорить. Николай, как и Анатолий вёз свою доску в лонгборд-чехле.

Толя отметил эту пару сразу по динамике. Здесь всё решается без лишних слов. Она как центр, вокруг которого складывается уют и порядок. Он оберегает этот цент. Не лезет вперёд, но если нужно, включится. Такие пары не ломаются, когда всё идёт кувырком, такие держатся.

«*Наш человек*». И Анатолий протянул руку Николаю.

Рукопожатие короткое, но плотное, как небольшая проверка. Ответ пришёл таким же, без лишнего давления, но с внутренним стержнем. Толя кивнул едва заметно, поняли друг друга.

– Так! – раздалось над ухом, и к группе подошел мужчина, рядом с которым сразу стало тесно.

Константин Потапов был из тех людей, которые занимают собой всё. С окладистой бородой и плечами борца, тяжёлыми шагами, громким голосом, привычкой смотреть сверху вниз, даже если собеседник такого же роста. Потапов вошёл, и сразу стало понятно, что здесь есть центр, и центр этот – он сам.

Толя даже не повернул голову сразу. Дал ему войти и занять место. Он точно знал, что люди такого типа всегда сначала заявляют территорию. Вопрос, кто её удержит.

– Потапов Константин, – представился он, не протягивая руки, а просто обводя всех взглядом. – Что стоим? Кого ждем? Не пора ли двигать?

Ему под сорок. За плечами три разоренных бизнеса и три возрождения из пепла, как у птицы Феникс, только с сибирским акцентом. Сейчас он владел сетью придорожных кафе на федеральной трассе Новосибирск – Барнаул и уже прицеливался к новым регионам.

Константин нахрапистый и прямой, без заходов. Давил сразу, проверяя, есть ли кто-то, кто остановит.

– Еще пятеро, – сказал Анатолий ровно. Он знал таких, как Потапов, сам был таким. – Один человек уже прошёл к гейту.

Границу обозначил сразу. И только после этого перевёл на Потапова взгляд короткий, точный, без улыбки. Они посмотрели друг на друга слишком прямо для случайного знакомства.

– Мы не опоздали? – прозвучал женский голос, быстрый, чуть нервный. – Никитины мы.

Марина Никитина выглядела на тридцать, хотя ей исполнилось тридцать девять. Тонкая, подтянутая, с цепким взглядом человека, привыкшего замечать детали, которые другие пропускают. Ведущий эксперт по закупкам в нефтяной компании, должность, где нельзя ошибаться, потому что цена ошибки миллионы.

Она вошла не как участник, как человек, который привык сразу брать контроль. Быстро оглядела всех, оценила, зафиксировала.

Её муж, Антон, держался в тени. Дизайнер в крупном строительном холдинге, он словно компенсировал ее активность своей незаметностью. Поздоровался, улыбнулся и сразу уткнулся в телефон. Марина стрельнула в него взглядом коротко, но Толя заметил. Что-то там не так. Что-то, что выяснится позже, в тесноте яхты. Это чувствовалось: она давит, он уходит.

– Не опоздали, – коротко ответил Романов, даже не задавая встречных вопросов. – Встали сюда.

Сказал без улыбки, но без грубости. Расставил, как элементы в системе. Антон послушно шагнул в сторону, Марина на долю секунды задержалась, будто проверяя, ей указывают или предлагают. Толя выдержал паузу и посмотрел прямо. Без давления, но с очевидным “да”. Она отвела взгляд первой и встала рядом с мужем. Маленькая победа, которую кроме него никто не заметил.

– Здравствуйте, – услышал Толя за спиной и обернулся. – Елена.

Елена Грачева стояла так, будто боялась занять лишнее пространство. Тонкая, сухая фигура, прямые плечи, стянутые волосы. Двадцать пять лет, финансовый аналитик в банке. Путешествие ей купил отец на день рождения. Толя представил этого отца: успешного, занятого, который не знает, что подарить единственной дочери, и дарит ей впечатления, потому что с чувствами сложнее.

Лена из тех, кто не привлекает внимания. Не прячется, просто тихая, неяркая, вся внутри. Одежда нейтральная, жестов минимум. Её мир был в голове. Снаружи только самое необходимое. Такие смотрят, молчат и запоминают.

Елена чуть кивнула, обвела группу взглядом и сдержанно сказала: – У нас есть лидер в группе, остальным будет проще не сопротивляться, а следовать. Отлично.

Фраза прозвучала тихо, почти нейтрально. Толя посмотрел на неё внимательнее.

– Я предлагаю двигать, – снова подал голос Потапов. – Семеро одного не ждут.

– Ждут, – без эмоций ответил Анатолий.

И сказал это так, что вопрос закрылся. Просто зафиксировал правило.

– И давайте сразу договоримся, – Толя повысил голос, чтобы перекрыть гул терминала. – Все тяжелое сдаем в багаж. Ручная кладь, минимум. Документы, техника, ценности. В багаж 23 килограмма. Для тех, кто не с нами, я сейчас надиктую в группу.

Говорил быстро, чётко, без лишних слов. Он уже собрал их в структуру, даже если они сами этого ещё не поняли. Романов надиктовал сообщение в чат, в этот момент подошли еще двое.

– Здравствуйте.

Услышал Толя за спиной и обернулся.

Ирина Гордина, руководитель контроля качества, тридцать лет, с тихим голосом и внимательным взглядом человека, каждый день объясняющего, что нужно жить по стандартам и не отклоняться от регламентов. И Игорь Воля, владелец туристической компании, лет тридцати пяти. Держался с естественным достоинством, улыбался легко. В туризме такие люди привыкли быть в тени клиентов и умели из этой тени видеть все.

Игорь перехватил взгляд Ирины коротко, на уровне тела, как фиксируют комфорт.

– Ну, слава богу, – театрально прорычал Потапов. – Теперь точно все. Идем.

– Варя пишет... – Светлана пробежала глазами по экрану. – Говорит, на внутренних рейсах Индонезии лимит багажа не 23, а 20 килограммов. Если сдадим все в Москве, в Джакарте придется доплачивать за перевес. И только кэшем.

Толя почувствовал легкий укол. Он не любил, когда его мнение перебивают. Укол был не в факте, в источнике. Романов уже выстроил решение, задал вектор, и вдруг появляется внешний голос, который его корректирует не в лицо, через группу.

«Похоже, думает быстро, видит детали».

Это он отметил. А вот способ ему не понравился.

– Она права, – кивнул Игорь Воля. – Я в туризме больше десяти лет. Так и есть. Лучше сейчас перераспределить.

– Значит, перераспределим, – Толя кивнул, принимая информацию. – Но для тех, кто с досками всё равно доплата.

Сказал сразу, не оставляя паузы для обсуждения. Очередь на регистрацию двигалась быстро. Чемоданы улетали в ленту, посадочные появлялись в руках. Через сорок минут группа, сдав багаж и получив документы, собралась у выхода на посадку.

«Мы стоим группой у стойки. Варя, вы где?» – написала Светлана.

– Я здесь, – прозвучал быстрый, лёгкий голос рядом.

Варя оказалась миниатюрной. Темноволосая, с густой ровной чёлкой. Тонкая шея, узкие плечи, лёгкая, собранная фигура, почти девчонка. Лицо чистое, нежное: аккуратный нос, мягкая линия скул, большие карие глаза с голубыми белками. Светлая кожа, тонкие черты. Она выглядела хрупкой.

– Здравствуйте, – сказала она, протягивая руку Светлане. – Варя.

И пошла по кругу. Быстро, без суеты. Каждому руку, каждому взгляд в глаза. Когда очередь дошла до Анатолия, пожала его руку и посмотрела прямо

– Варвара Володина.

– Анатолий Романов.

Он задержал её руку дольше, чем нужно, прищурился:

– Ты одна приехала? Без родителей?

Наступила короткая пауза.

– Одна, – спокойно ответила она.

Он усмехнулся краем губ:

– И сколько тебе лет, «одна»?

– Двадцать четыре.

На секунду в его взгляде мелькнуло недоверие.

– Серьёзно?

– Абсолютно.

Она не улыбнулась, не стала ничего доказывать, просто выдержала взгляд и отпустила его руку. Кивнула и пошла дальше, к Игорю, к Потапову, к остальным.

Толя проводил её взглядом: девчонка. Почти школьница. И тут же поймал вторую мысль, неприятную: это она скорректировала его решение. Не зная его. Не спрашивая. И сделала это точно. Он тут же переключился обратно к Ольге, потому что она коснулась его плеча.

В этот момент Игорь, не раздумывая, подхватил чемодан Ирины, когда тот неловко съехал с колёс. Просто взял и поставил, не спрашивая.

– Спасибо, – сказала Ирина.

– Пожалуйста, – легко ответил он, уже переключаясь на разговор с Потаповым.

Ирина проводила его взглядом на секунду дольше, чем требовала вежливость. Отметила про себя, делает не проговаривает, хорошее качество.

«Занимательно». Подумала Лена Грачёва, переводя взгляд от рукопожатия Вари и Анатолия к Ирине и Игорю.

– Виски нужно купить, – напомнила Ольга Романову.

– Точно, – Толя улыбнулся легко и двинулся сразу. – Идем.

– Я с вами, – подхватил Потапов без паузы.

– И я, – присоединился Игорь.

– И я до кучи, – подмигнул жене Николай.

– Началось... – улыбнулась Светлана, но улыбнулась тепло, без раздражения.

Варя смотрела на уходящих. Три минуты знакомства, десять рукопожатий, десять взглядов в глаза. Для обычного человека просто вежливость, но Варя работала бизнес-тренером и умела считывать невербальные сигналы. Она уже набросала штрихи к портретам.

Потапов – доминантный, будет давить, пока не встретит равного.

Ольга – играет через внимание, красивая, умная, уверенная, знает себе цену.

Никитины – дисбаланс, она ведёт, он уходит.

Ермолаевы – опора, спокойная связка.

Грачева – закрытая, наблюдатель.

Игорь – свой, гибкий.

Ирина – мягкий контроль, внутренняя устойчивость.

И Романов.

С ним сложнее. Высокий, уверенный, с улыбкой человека, который привык получать то, что хочет. Рядом с Ольгой смотрелся органично, двое взрослых красивых людей, которые уже все поняли друг про друга. Она знала этот тип. Считывала таких быстро. Но здесь что-то не складывалось. Как будто схема есть, а ключа нет. И это раздражало.

«Не читается» – подумала Варя.

Глава 5

Самолёт взмыл плавно, почти невесомо, только гул двигателей нарастал, давил на перепонки, а потом отпустил и они провалились в тишину. Москва осталась где-то там, под плотной пеленой облаков.

У Вари, как всегда,хватило дух. Этот момент, отрыв от земли, когда тело на секунду тяжелеет, а потом становится почти невесомым, она любила больше всего в перелётах. Тринадцать часов впереди. Тринадцать часов между прошлым и будущим. Она прикрыла глаза и улыбнулась своим мыслям.

Место ей досталось удачное, у окна, через ряд от Толи и Ольги. Она видела их затылки. Перед глазами ещё держалось короткое движение: он поднял её сумку, поставил и сразу вышел из этого, будто ничего не произошло. Они смотрелись как пара. Невозможно было поверить, что этот красивый мужчина и эта яркая женщина знакомы всего несколько часов. Ольга пересела к Анатолию сразу. Она просто подошла, и через минуту место рядом с ним было её.

– Чем ты занимаешься? – спросила Ольга, слегка наклоняясь в сторону Анатолия тихим, доверительным голосом.

– Бизнесом. Продаю оборудование.

– О-о-о... – она растянула гласную, словно пробуя букву на вкус. – Это крупный бизнес?

– Средний. Оборудование оборудованию рознь.

– И кем ты в этом бизнесе?

– Владельцем, – прищурился Анатолий, глядя на женщину не улыбаясь.

Секунда паузы. Ольга с удовлетворением откинулась на спинку кресла, будто получила подтверждение очевидному.

– Я так и знала.

– Да? – в голосе Романова появилось наигранное удивление, но губы дрогнули в усмешке.

– Да. Это видно. По манере держаться. По твоим ответам. По одежде, наконец.

– Понятно, – коротко, без развития ответил он.

– А ты не спросишь, кем работаю я? – не выдержала Ольга.

– Не спрошу, – Толя повернулся к ней и улыбнулся открыто, чуть насмешливо. – Это для меня информация не существенная.

Она удивлённо приподняла бровь.

– Вот как?

– Если ты мне понравишься, мне будет всё равно, кем ты работаешь. А если не понравишься, тем более.

Он сказал это спокойно, без вызова, как факт. Ольга рассмеялась коротко, но искренне. Такой ответ она не просчитывала.

– Рискуешь, Романов.

– Привык.

– И часто рискуешь?

– Только когда ставки высоки.

– А здесь ставки высоки?

– Посмотрим, – он чуть наклонил голову, разглядывая её. – Пока ты прошла первый раунд.

– Первый? Сколько их всего?

– Столько, сколько сама захочешь.

Ольга откинулась в кресле и на секунду прикрыла глаза, пряча улыбку. Она смотрела на него сквозь ресницы, на профиль, на руки, на эту его манеру сидеть ровно, но расслабленно. Не пытался понравиться. И от этого у неё внутри что-то ёкало. В ней разгорался интерес, не

поверхностный, не игровой. Даже лёгкий азарт, с желанием не просто увлечь, удержать. И это было самое сильное, что она чувствовала за последние годы.

Она привыкла к другим. К тем, кто начинал охоту сразу: комплименты, вопросы, попытки угадать, что ей понравится. Кто играл по её правилам.

«Ты не такой, как все, Романов, – подумала она, разглядывая его. – Ты не ищешь одобрения. Ты не просишь. Ты сам выбираешь».

И она вдруг поняла, чего хочет. По-настоящему, глубоко, почти до боли в груди. Чтобы он выбрал её. Потому, что она есть. Просто Ольга.

Серова ловила на себе его взгляды. Короткие, быстрые. Точные. И она знала этот взгляд. Знала, чего он хочет. И знала, что это ей дать, не проблема. Проблема в другом: как сделать так, чтобы он не просто захотел, а остался.

«Сблизиться. Стать своей, – подумала она, чуть прикусив губу. – Чтобы за эти две недели привык. Чтобы не смог отпустить. Чтобы когда всё закончится, понял: это не игра, это жизнь».

Она снова посмотрела на него. Романов читал что-то в телефоне, спокойный, красивый той мужской красотой, от которой у неё подкашивались колени. Он не вовлекался и не ускорял. Держал дистанцию и этим втягивал сильнее.

«Ну, Романов, – улыбнулась она про себя. – Посмотрим, кто кого».

Варя отвернулась к иллюминатору, чтобы не смотреть на них. Она видела, игра началась, а чужая игра всегда утомляет, когда ты не участник, а случайный зритель. За ней, через проход, сидели Никитины. Марина уже полчаса молчала. Для неё это было много. Антон, как обычно, уткнулся в телефон, листал какие-то картинки, наушники воткнуты глубоко в уши.

– Мог бы хоть сейчас не в телефоне сидеть, – сказала она негромко, но достаточно, чтобы он слышал сквозь музыку.

Антон вытащил один наушник.

– Что?

– Я говорю: мог бы и отвлечься. Скоро Индонезия, люди новые, а ты...

– Мы ещё даже не прилетели, – ответил он без раздражения. – Что я должен делать? В иллюминатор смотреть?

– Хотя бы.

– Я смотрел. Там облака.

Марина закатила глаза и отвернулась. Она не понимала, как можно быть таким... таким никаким. Антон оказался хорошим мужем. Не пил, не изменял, зарабатывал достаточно, дом строил. Но от этого его «хорошести» её иногда трясло.

– Ты мог бы хоть раз проявить инициативу, – сказала она уже тише, почти себе.

– Например? – Антон убрал телефон, наконец-то глядя на неё.

– Не знаю. Поговори с кем-то. Познакомиться. Предложить что-то.

– Мы в самолёте, Марин.

Антон вздохнул, надел наушник обратно и уставился в иллюминатор. Там действительно висели только облака.

Через проход, чуть впереди, Ермолаевы сидели рядом, наклонившись друг к другу. Светлана что-то тихо говорила, Николай слушал, кивал и иногда коротко отвечал. Впереди, в бизнес-классе (Константин Потапов доплатил за повышение, потому что «в экономе ноги не помещались»), раздался громкий голос.

– Девушка! – Потапов подозвал стюардессу взмахом руки.

– Слушайте, у вас тут в меню написано «индонезийский ужин». Это что конкретно?

Стюардесса, с профессиональной улыбкой, наклонилась к нему, ответила:

– Сегодня на выбор: наси горенг с курицей или лапша с морепродуктами.

– А острое там есть?

– Наси горенг подаётся с самбалом, местный острый соус. Отдельно, по желанию.

– Вот это дело, – Потапов довольно кивнул. – А то летал я с одной авиакомпанией, принесли рис с кетчупом. Кетчуп, представляете?

Стюардесса вежливо улыбнулась, пообещала принести самбал побольше и упорхнула по проходу.

– Девушка! – крикнул он вслед. – И виски! Двойной!

В салоне кто-то хмыкнул, кто-то улыбнулся. Потапов был как стихийное бедствие – громкий, прямой, бесцеремонный, но без злобы.

Толя на секунду поднял глаза в сторону бизнес-класса. Усмехнулся едва заметно. Через шесть часов полёта, когда ужин был съеден, фильмы пересмотрены, а соседи по ряду начали дремать, по салону прогуливался Игорь Воля. Остановился у ряда, где сидели Толя с Ольгой.

– Не спите? – спросил негромко, улыбаясь.

– Программу вспоминаем, – Ольга улыбнулась в ответ.

– Да, у нас программа – пальчики оближешь.

– Рассказывай. Ты наверняка знаешь больше, чем написано, – оживился Толя. – Нюансы.

Чуть подался вперёд, включился.

– Ну, смотрите, – Игорь достал телефон, открыл карту. – Первая остановка после Суматры – Ниас. Лагундри-бэй – легенда. Волна там закручивается в идеальную трубу справа, длинную и мощную, как по линейке. Серферы туда съезжаются со всего света и живут прямо на берегу ради этих волн. А если не серфить, там деревни ниасийцев. Культура древняя, изолированная. Раньше охотились за головами, сейчас, конечно, нет, – он усмехнулся, – но традиции живы. Есть ритуал: разбегаются и перепрыгивают каменные стены высотой три метра. Это их инициация, проверка на мужество. На второй день у нас киты! Это потрясающее зрелище и захватывающее занятие. Пойдём на тихой лодке. Прямо мимо морских гигантов.

– Не на яхте?

– Нет. Так они будут уходить от нас. Мы пойдём прямо в их миграционный коридор. Синие киты, горбатые, кашалоты. В сезон их можно увидеть прямо в ста метрах. Представь: ты смотришь, а кит выныривает, фонтан пускает, а потом хвост поднимает и в бездну. Я такое два раза в жизни видел, до сих пор мурашки.

– Это я заценил, ещё как только программу первый раз увидел, – улыбнулся Анатолий.

– Дальше Бату. Джунгли, водопады, можно уйти в горы. Там виды такие, что дыхание перехватывает. Под водой кораллы, черепахи, скаты. Хорошая разминка.

– Очень жду, – сказала Ольга, мечтательно.

– А дальше Ментавай, – продолжил Игорь. – Это вообще отдельная вселенная. Архипелаг из семидесяти островов, диких, не тронутых цивилизацией. Там даже дорог нет, только лодки. Серфинг там для профи, волны жёсткие, мощные, но есть споты и для среднего уровня. пляж Крии, например, волны разной сложности, вода кристальная, песок белый.

– А для дайверов обещанное сбудется? – спросил Толя.

– О-о-о, – Игорь понизил голос, будто выдавал военную тайну. – Конечно. Там такие рифы... Микромир сумасшедший. Рыбы-лягушки лежат как камни, пока не шевельнутся. осьминоги-имитаторы прикидываются кем угодно. Крылатки ядовитые, но глаз не оторвать. А в чистой воде барракуды, тунец... иногда акулы-молоты. Идут стаями, синхронно. Смотришь и залипаешь.

– Акулы? – насторожилась Ольга.

– Не бойся, – улыбнулся Игорь. – Если не дразнить, они сами уйдут. Но если такое раз в жизни увидишь, запомнишь навсегда.

Ольга слушала, расширяя глаза.

– А Энгано? – вспомнила она последний пункт в маршруте. – Что там?

– Энгано – это для настоящих искателей, – Игорь понизил голос. – Туда редко кто добирается. Остров дикий, племена живут почти как тысячи лет назад. Там снорклинг вообще фантастика. Рифы нетронутые, рыбы тьма, вода такая прозрачная, что кажется, можно рукой достать, хотя глубина метров десять. И пляжи... Представь: белый песок, пальмы, ни души на километры вокруг. Ты выходишь на берег и ты первый человек, который здесь ступил за сегодня. Может, за неделю.

Толя слушал и чувствовал, как внутри снова разгорается предвкушение, то, что появилось, когда он впервые увидел программу. То, ради чего он сюда летел.

– А что на суше, кроме пляжей? – спросил он.

– На Ментавае – деревни местные, – Игорь довольно потёр руки. – Там до сих пор саго разводят, как века назад. Живут в хижинах на сваях, ходят в набедренных повязках, если в глубинку зайти. Но мы будем с гидами, они покажут, где можно, где нельзя. И обычаи у них интересные татуировки ритуальные, верования древние. Они верят, что духи живут в деревьях, в камнях, в волнах. Представляешь: выходишь в океан на серфе, а для них это не просто спорт, это разговор с духами.

– С ума сойти, – выдохнула Ольга.

Игорь поднялся, разминая ноги.

– Ладно, пойду. Увидимся.

Он ушёл по проходу. Толя посмотрел на Ольгу.

– Ну что, впечатляет?

– Впечатляет, – она улыбнулась. – Но я, посплю. Нам ещё семь часов лететь.

Она откинула кресло, прикрыла глаза. Толя тоже попытался задремать, но не мог. Через несколько рядов от него, у окна, не спала Варя. Она смотрела на облака, которые проплывали где-то далеко внизу, и думала о том же, о чём говорил Игорь. О прыжках через каменные стены, о рыбах-лягушках, которые притворяются камнями, об акулах-молотах, режущих серую толщу воды. О китах, которые выныривают из бездны, чтобы впустить в себя солнце.

И вдруг не мыслью, телом вернулся короткий момент: как Романов стоял рядом, а она пожала ему руку. Отклик возник мгновенно и так же быстро был убран.

Самолёт летел на юго-восток, навстречу солнцу, которое уже вставало где-то над Индийским океаном. Варя прижалась лбом к прохладному стеклу и прошептала одними губами:

– Индонезия...

Глава 6

Самолёт из Москвы приземлился в Джакарте днём. Воздух стал тяжёлым, тропическим, это чувствовалось даже в аэропорту. Столица Индонезии встретила их густым шумом голосов, гулом кондиционеров и сладковатым запахом влажной зелени, который просачивался в терминал всякий раз, когда автоматические двери открывались и выпускали внутрь очередную волну пассажиров.

Однако Джакарта для них была всего лишь пересадкой, короткой остановкой в пути. Ольга, Константин и ещё несколько человек остановились у огромных панорамных окон, глядя на бесконечное движение самолётов, но уже через несколько минут вся группа снова направилась по коридорам к внутренним рейсам.

– Смотрите. Кажется, это уже наш самолёт.

– Наш будет меньше, – усмехнулся подошедший Романов.

Самолёт до Сиболги оказался совсем небольшим, узкий, светлый, с низким потолком и коротким проходом между креслами. Когда они поднялись по трапу, у многих возникло ощущение, будто мир стал другим. В салоне пахло прохладным кондиционированным воздухом, лёгким керосином и чем-то морским.

Самолёт оторвался от земли быстро. Через иллюминаторы Джакарта вскоре растворилась во влажной дымке, и под крылом появились острова, сначала редкие, потом всё чаще и чаще, словно кто-то рассыпал по океану зелёные камни.

Четырёхчасовой перелёт прошёл нормально. Внизу медленно двигались облака, между ними открывались полосы воды, сверкающей под солнцем, и густые изумрудные массивы тропических лесов. Пассажиры постепенно расслабились. Потапов громко обсуждал с Волей что-то на языке дайверов:

– О, нитрокс! А я смотрю, ты серьёзно. Сколько погружений?

– Сто двадцать семь, – Игорь довольно захлопнул журнал. – В прошлом году на Мальдивах сертификацию прошёл. Теперь без него даже не ныряю. Донное время вообще небо и земля.

– Это да, – кивнул Потапов. – Я тоже на нитроксе третий год. Главное, глубину соблюдать, а то новички любят рисковать. У меня был случай на Сипадане: напарник ушёл слишком глубоко, поймал «кислородку», еле откачали.

– Бывает, – усмехнулся Воля. – Я запасной регулятор всегда на виду держу, мало ли. А ты в каком режиме ныряешь? С декомпрессией ходил?

– Пока без неё, – Потапов почесал подбородок. – В рекреационном, любительском, короче.

Романов бросил на них короткий взгляд. Оценил громкость Потапова и содержательность Воли. Ермолаевы обменивались фотографиями, которые успели сделать в аэропорту.

– Смотри, как круто получилось. Мать сфоткал с тремя детьми на спине, – улыбаясь, наклонился к жене Николай.

Она машинально потянулась к нему плечом, и он так же естественно подался навстречу.

– Прикольно! – воскликнула Светлана и тут же ткнула пальцем в изображение. – Ты видел, что на заднем плане! Что малыш такое делает?

Анатолий сидел у окна и смотрел вниз, наблюдая за тем, как мир под самолётом становится всё более диким и зелёным. Он думал о том, как наконец разгрузит голову: ныряниями, сёрфом, морем. Рядом находилась красивая возбуждающая желанием женщина, не выставляющая никаких условий, насыщенная событиями программа и свобода. Ольга устроилась рядом, сменив босоножки на удобные кроссовки, вытянула ноги в проход и лениво листала программу

путешествия. Она уже не просто играла. Подстраивалась под него, точно и тихо. Романов встал, развернулся и нашёл глазами Антона Никитина, который тоже вёз свою доску.

– Антон, ты где в последний раз катался?

Он не поддерживал разговор, он тестировал. Быстро, без лишнего. Проверял уровень.

– На Бали, – оживился Никитин. – Волна – сказка. А ты?

– Тоже на Бали. По одним местам ездим.

– Ну, вот сейчас на Суматре попробуем. Говорят мощно. Хотя, я больше кайф ловлю, когда плавно, без борьбы. А ты на шорте, значит, любишь классику. Я на лонге катаю.

– По доске понял, – усмехнулся Толя.

– Покороче доска, поманевреннее. Скорость, развороты. Но это на вкус и цвет.

– Главное, чтобы кайф был, – кивнул Романов, закрывая разговор.

– Это точно.

– А я в прокат возьму. Я на этом деле не помешана, – сказала Марина Никитина.

Романов даже не посмотрел на неё. Для него это была уже вторичная информация. Через проход, чуть позади, сидела Варя. Она видела это: как он сокращает лишнее, как режет разговоры, как быстро принимает решения. Планшет лежал на её коленях, но она в него не смотрела. Смотрела на людей, как они говорят, реагируют, занимают пространство.

Она уже поняла: центр группы, Романов. Не потому, что он громче всех говорит или пытается руководить. Просто люди слушают его внимательнее, чем остальных. Потапов же создавал другую энергию, шумную, тяжёлую, чуть агрессивную. Он занимал пространство голосом и жестами, но решения всё равно каким-то странным образом формировались вокруг Романова.

Варе Володиной в сентябре должно было исполниться двадцать пять. Она жила в Москве с родителями, окончила педагогический институт, исторический факультет, и несколько лет работала в школе. Работу она любила, но судьба неожиданно развернула её жизнь в другую сторону. Почти сразу после окончания института её сбила машина. Восстановление оказалось долгим, и невролог настойчиво советовал на время отказаться от школьной нагрузки.

Сидеть без дела Варя не умела. Она начала помогать подруге, которая работала в обучающем центре крупного холдинга, готовить презентации для тренингов. Постепенно втянулась в эту работу, прошла обучение и вскоре сама стала проводить программы для сотрудников компании. Она много ездила по филиалам компании, читала, ходила в театры и время от времени писала фельетоны и юморески – привычка, оставшаяся со студенческих лет.

Когда-то у неё был молодой человек, тоже историк. Они расстались спокойно, когда он решил уехать из страны. После этого в её жизни словно наступила пауза. Мужчин вокруг было много, командировки случались часто, но серьёзных отношений больше не возникало.

Впрочем, Варя никогда не считала это проблемой. Каждое лето она ставила себе новую цель, чему-нибудь научиться. В этом году решила освоить сёрфинг.

Когда самолёт начал снижение, стюардесса попросила пристегнуть ремни. Под крылом открылась Суматра, густая, тёмно-зелёная, почти чёрная от плотности джунглей. Самолёт приземлился на небольшой аэродром Сиболги. Когда они вышли по трапу, первое, что ударило в лицо, воздух. Его густая, влажная, тёплая тяжесть накрыла их, словно прозрачная вода. Дышать им сначала было непривычно. Лёгкие будто заново учились этому воздуху.

– Вот это баня, – сказал Потапов, расстёгивая рубашку. – Я уже люблю эту страну.

Где-то в густых деревьях громко кричали птицы. Москва в этот момент показалась далёкой, почти нереальной. У выхода из аэропорта их уже ждал небольшой автобус. Дорога до порта заняла около получаса. Сиболга оказалась шумным, живым городком. Узкие улицы забиты скутерами, которые проносились мимо автобуса, почти задевая зеркала. На каждом сидело по двое, а то и по трое. Мужчины в кепках, женщины с детьми на руках.

Пахло специями, жареной едой, дымом, выхлопами. На прилавках лежали фрукты странных форм и цветов, блестящая рыба на льду, горки специй.

– Смотрите, дуриан! – показала Лена на груды колючих плодов.

– Воняет как ад, но вкусно, – отозвался Потапов. – Пробовал.

– Лена. Пробуй, только не в каюте, – предупредил Игорь. – Капитан убьёт. Запах не выветривается неделями.

Дети махали руками проезжающим машинам, мужчины сидели на пластиковых стульях перед магазинами и лениво наблюдали за движением улицы. Над всем этим поднимались пальмы. За ними мелькало море. Автобус остановился возле порта.

Когда они вышли на деревянный причал, Романов огляделся и сказал:

– Давайте закупимся в супермаркете у порта, чтобы на яхте было что перекусить, кроме запланированных трапез. Купим фрукты, спиртное, сладкое девочкам.

Несколько человек сразу закивали. И в этот момент Варя чуть повернула голову.

– Отличная мысль, но в Индонезии в маленьких магазинах нет сдачи с крупных купюр, – сказала она буднично. – И карты не принимают. Нужно сначала банкомат найти, размельчить деньги.

Романов взглянул на неё резко, потом кивнул.

– Да, пожалуй, так и сделаем.

Он сказал это ровно, без тени раздражения, но Варя отметила слишком короткий взгляд. Ему явно не нравилось, что кто-то корректирует его решения. И она сделала вывод: если что, комментарии, только ему лично.

«Зацепило», – подумала Лена Грачёва.

Потапов, стоявший чуть позади с рюкзаком на одном плече, усмехнулся, но ничего не сказал. Перевёл взгляд с Вари на Романова и обратно, медленно, с лёгким прищуром.

После банка они сделали покупки в супермаркете и вышли к порту. Порт оказался совсем небольшим. И именно там, у самого края причала, стояла их яхта. Белая, длинная, сияющая на фоне спокойной воды.

Она казалась почти нереальной. Гладкий корпус, огромные панорамные окна, полированные металлические поручни. На корме аккуратно закреплены две моторные лодки, выше стойки с досками для сёрфинга. Рядом висели гидрокостюмы для дайвинга, аккуратно развешенные, словно часть экспозиции.

На палубе их уже ждал экипаж, пять человек в светлой форме и капитан Дон Чанна. Команда стояла ровно, без лишней суеты. Капитан Дон Чанна вышел чуть вперёд, подтянутый, загорелый, с доброжелательным взглядом человека, привыкшего к морю. Он приветствовал гостей коротким кивком и лёгкой улыбкой, без подобострастия, но с искренним радушием и заговорил на безупречном английском языке.

– Добро пожаловать на борт. Я надеюсь, вам здесь понравится.

– Ничего себе, – тихо сказал Ермолаев.

– Вот это уже похоже на отпуск, – выдохнула Ирина Гордина.

Даже Потапов на секунду замолчал. По деревянному трапу они поднялись на борт. Внутри яхта была ещё просторнее, чем казалась снаружи. Каюты располагались по обе стороны длинного коридора. Романову досталась каюта в конце, перед лестницами на верхнюю палубу. Когда он открыл дверь, его встретило светлое, комфортное помещение: большая кровать с белым бельём, мягкое кресло у стены, аккуратный туалетный столик с зеркалом, встроенный шкаф, умывальник тоже с зеркалом. За отдельной дверью находился душ и туалет. Всё компактно и безупречно чисто.

Рядом находилась каюта Игоря Воли.

Дальше по коридору располагалась каюта Потапова. Потом Ольги и Елены. На противоположной стороне, прямо напротив Романова, разместились Варя и Ирина. Чуть дальше Ермалаевы. В конце коридора Никитины.

К вечеру все успели разобрать вещи и поднялись на верхнюю палубу. Кто-то сменил дорожную одежду на лёгкое платье, кто-то на светлую рубашку и белые брюки и все вышли к накрытому столу, словно вынырнули из будничности в праздник.

Команда уже накрыла ужин. Столики с белыми скатертями, тонкое стекло бокалов, свечи в прозрачных подсвечниках. На больших блюдах свежие морепродукты: креветки, жареная рыба, ломтики тунца, салаты из манго и зелени, тонко нарезанные овощи с ароматными соусами. Вино охлаждалось в ведёрках со льдом.

– Манго... Какое спелое манго! Больше всех фруктов его люблю, – сказала Варя Ирине, протягивая ей вазу, полную экзотических плодов.

Ирина улыбнулась ей чуть шире, чем нужно. Она уже считывала её как «свою».

– Друзья, предлагаю тост, – сказал Романов, поднимая свой бокал с виски первым. – За то, чтобы мы вернулись отсюда с одинаковым количеством рук и ног... Но с гораздо большим количеством хороших воспоминаний.

Все засмеялись.

Игорь подал Ирине тарелку с рыбой. Она автоматически придержала её рукой, помогая разложить. Их пальцы на секунду коснулись. Море вокруг стояло спокойным и тёмно-синим. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в золотые и розовые оттенки. Дул тёплый, мягкий ветер. Люди смеялись, пробовали блюда, поднимали бокалы. Потапов рассказывал очередную историю своей жизни.

– Я тебе говорю, – размахивал руками Константин, – Мы тогда контейнеры через Владик гнали, а таможня решила, что мы везём электронику.

– А вы что везли? – уточнил Воля.

– Резиновых уток для бассейнов, – с довольной улыбкой ответил Потапов.

Игорь открыто улыбнулся.

– Господи... – поднял глаза к потолку Константин, и помассировал себе шею правой рукой, – Что мы только не возили...

Ольга сидела рядом с Романовым и время от времени наклонялась к нему, что-то тихо говоря. Варя напротив и старалась не смотреть. В какой-то момент разговор зашёл о завтрашнем переходе.

– Думаю, завтра встанем пораньше и сразу пойдём к Ниасу, – чётко сказал Романов, как решение, без обсуждения. – Часов в семь выйти и к обеду будем на месте.

Все закивали – предложение звучало разумно.

Варя помолчала секунду, потом наклонилась через стол к Анатолию. Ольга внимательно посмотрела на Варю. В её взгляде появилось лёгкое недоумение «что тебе?»

Варя заговорила тихо:

– Анатолий... у нас сегодня шестнадцать часов перелётов за плечами. Если подъём будет слишком ранним, к обеду люди будут не островами любоваться, а искать, где поспать. А кто-то не встанет в обозначенное тобой время совсем... Может, лучше дать людям первый день втянуться? Тогда завтра все будут живые.

Романов смотрел на Варю не мигая. Опустил голову и поднял её нехотя. Взгляд был жёстким. После выпитого виски раздражение скрывать не получалось или не хотелось.

Ольга тоже смотрела на Варю.

Ей не понравилось, что та наклонилась близко и говорит с Романовым так спокойно, будто имеет на это полное право. Ольга чуть повернулась к нему и тихо сказала, почти улыбаясь:

– У тебя, похоже, уже появился личный советник.

Фраза прозвучала легко, но Варю это задело. Потапов, проходивший к бару мимо, услышал это. Усмехнулся и произнёс, слегка с издёвкой:

– Ну, это полезно. Лишний ум не помешает, если главный ошибается.

Романов не среагировал. В итоге решили выпасться до десяти. Ужин продолжался. Игорь снова передал Ирине блюдо. Небо потемнело, на нём появились первые звёзды. Разговор за столом уже начал распадаться на отдельные фразы. Кто-то наливал вино, Потапов снова рассказывал свои бесконечные истории, но внимание Романова постепенно уходило от общего шума. Он слушал вполуха и время от времени смотрел на Варю уже не из раздражения. Она говорила мало, но её слушали. Он отметил это, отвёл взгляд и через несколько минут снова поймал себя на том, что смотрит.

Ольга сидела рядом, чуть повернувшись к нему. Свет мягко ложился на её лицо и открытую линию груди. Серова сделала глубокий вдох. Грудь приподнялась и взгляд Романова упал точно туда, куда она и планировала.

– Ты понимаешь, что я сейчас думаю? – тихо сказала она.

– Понимаю.

– И?

Романов чуть наклонился ближе.

– Что если мы ещё пять минут просидим здесь, – сказал он негромко, – я перестану вести себя прилично.

Её губы едва заметно дрогнули.

– Тогда, может, не будем проверять, сколько у тебя терпения.

На секунду между ними возникло то самое молчание, которое не нуждается в продолжении. Романов поднялся.

– Пожалуй, для меня на сегодня всё.

Ольга тоже встала. Они коротко пожелали всем спокойной ночи и спустились вниз. И только когда дверь в салон закрылась, за столом кто-то тихо сказал:

– Ну вот...

Потапов проводил их взглядом, покачал головой:

– Это он так группу спланирует? Способ рабочий. Только утром, боюсь, не все проснутся вовремя.

Варя тоже продолжала смотреть вслед ушедшим. Она понимала, куда и зачем они идут. Разговор за столом на несколько секунд потерял прежний ритм. Потапов всё ещё что-то говорил, но уже тише. Варя поднялась, оглядела стол, потом кивнула женщинам в сторону борта.

– Пойдёмте туда. Там ветер.

Светлана сразу подхватила:

– Да, здесь уже жарко.

Пока они поднимались, Варя задержалась у барной стойки. Через минуту вернулась с подносом и бокалами вина.

– Я подумала, лучше сразу взять, – сказала она невозмутимо. – Пока мужчины не решили, что это их стратегический запас.

Женщины рассмеялись. Они устроились у борта. Внизу тихо плескалась вода, и яхта едва заметно покачивалась, словно дышала. Над морем уже поднимались звёзды – крупные, яркие. Светлана оперлась локтями о перила.

– Вы заметили, какие здесь звёзды?

– В Москве таких нет, – сказала Ирина.

– В Москве много чего нет, – сев удобнее ответила Марина.

Несколько секунд они молча смотрели на тёмную линию берега. Суматра лежала на горизонте густой чёрной массой джунглей.

– Странное чувство, – сказала Ирина. – Как будто жизнь вдруг стала очень простой.

– Потому что сейчас от нас ничего не требуется, – ответила Варя.

Грачёва сидела рядом, слушала разговор. Потом она поставила бокал на столик.

– Расстановка началась, – вдруг сказала Елена, словно завершая свой внутренний монолог. – Девочки, я, пожалуй, пойду. Иначе усну прямо здесь.

– Перелёт догнал, – согласилась Марина. – Я тоже. Пять минут и спать.

– А что она имела в виду? – уточнила Светлана, когда Елена ушла.

Марина кивнула в сторону кают, ничего не сказав.

– Вообще, она странная. Молчит, молчит, потом, как что-нибудь выдаст, – проговорила Ирина.

Варя только вздохнула. Она примерно понимала, какой монолог мог идти в голове Елены. Он напоминал ей её собственный.

Оставшиеся продержались пятнадцать минут. Разговор получился лёгким, тёплым, без всякого напряжения. Они говорили о дороге, о том, кто и как переносит жару, о странных фруктах, которые видели на рынке по дороге в порт. Смеялись. Просто смотрели на воду. И в какой-то момент у всех четверых возникло одно и то же ощущение, будто впереди несколько дней, когда можно просто жить, смотреть на море и не думать ни о чём серьёзном.

Глава 7

Варя проснулась от света. Он был не резкий, не московский, утренний, тропический, золотисто-розовый. Солнце заливало каюту тёплым сиянием. Воздух внутри оставался ровным, прохладным, почти неподвижным.

Она лежала, не открывая глаз, и чувствовала, как покачивается яхта. Чуть-чуть, едва заметно, как в колыбели. Где-то за бортом плескалась вода, кто-то переговаривался на дальних террасах.

Варя открыла глаза и улыбнулась. Кюта была продуманной до мелочей. Кровать стояла так, что изголовье упиралось в стену, над головой висел красивый постер в стиле импрессионизма, а ноги смотрели прямо в стеклянную раздвижную стену. По звукам воды Ирина уже была в душе. Варя встала, потянулась и сдвинула стеклянную дверь.

Воздух ворвался в каюту влажный, солёный, свежий. За стеклом была мини-терраса: два плетёных кресла, маленький столик и сразу перила. А за перилами океан.

Бескрайний, синий, уходящий в горизонт.

Варя села на кровати, поджала ноги и смотрела. Просто смотрела. Волны катились ровно, без спешки, где-то далеко виднелся зелёный силуэт острова. Птицы носились над водой, высматривая завтрак.

Если бы её не выбрали «Лучшим сотрудником года», она бы никогда не решилась на такие деньги. Премия покрыла большую часть, но добавлять всё равно пришлось и добавляла она с радостью.

Океан плескался у ног.

– Спасибо, – прошептала Варя неизвестно кому. То ли компании, то ли себе, то ли этому утру.

– Доброе утро! – сказала Ирина. – Я выспалась. А ты?

– Я тоже!

Они хорошо уживались с Ириной в этом пространстве. Условия были тесные, но всё комфортно без напряжения. Ирина аккуратная, не лезла с разговорами. Варя тоже не лезла. Им было спокойно вместе в этом тихом, уважительном молчании.

– Пойдём завтракать? – предложила Варя.

– Пойдём.

Они оделись быстро, без суеты, словно жили так много лет и вышли в коридор.

Ермолаевы вышли из своей каюты одновременно с ними. Света и Николай выглядели так, будто не спали всю ночь, но не от усталости, а от счастья. Глаза сияли, волосы торчали в разные стороны.

– Вы чего? – улыбнулась Варя.

Света глянула на мужа, и они оба прыснули.

– Мы сейчас расскажем, вы не поверите, – Николай держался за живот. – Мы вчера вечером вышли на палубу, звёзды считать...

– Легли на шезлонги, – подхватила Света, – и я говорю: «Коль, а давай найдём Полярную звезду». А он: «Свет, мы в Южном полушарии, Полярной тут нет».

– И тут она говорит: «А как же компас?» Я говорю: «Какой компас?» А она: «Ну, в телефоне же есть компас! Он же север показывает, значит, там и Полярная должна быть!»

Света уже смеялась в голос, складываясь пополам.

– Я три минуты искала Полярную звезду в южном небе! Три минуты, представляете?! А он молчал и смотрел!

Николай обнял жену за плечи.

– Я смотрел и думал: вот за это я её и люблю. За целеустремлённость!

Варя с Ириной переглянулись и тоже засмеялись. Заразительно, громко, как смеются только в хорошей компании в хорошее утро.

Так, вчетвером, смеясь и подкалывая друг друга, они поднялись на верхнюю палубу, где был накрыт завтрак.

– Подожди, – вдруг вспомнил Николай, доставая телефон. – Дети же проснутся скоро. Давай напишем.

Света мгновенно оживилась, придвинулась ближе. – Давай видео! Они обалдеют от океана.

Экран загорелся, и через секунду на нём появились сонные, растрёпанные лица.

– Мам! Пап! Вы где?!

– Смотрите! – Света развернула камеру на океан. – Мы тут живём!

– Вау! Настоящее море?!

– Настоящее. И мы по вам скучаем, – тихо добавил Николай.

– Мы тоже! Привезите что-нибудь!

– Привезём. Обязательно! – улыбнулась Света.

Связь оборвалась, но у обоих на лицах осталась та самая тёплая, тихая улыбка.

В кают-компании встречала команда, улыбаясь, в отутюженных поло. Стюарт стоял у мармитов, готовый открыть крышки. Пахло свежее испечённым хлебом, кофе и чем-то тропическим.

– Доброе утро, леди. Сок? – Спросил официант по-английски – Свежевыжатый манго, ананас или маракуйя?

– Мне микс, пожалуйста, манго и маракуйя, – ответила Варя.

– Мне ананасовый, – Ирина оглядывала стол.

На раздаче стояли тарелки с тропическими фруктами: нарезанные манго, драгонфрут, рамбутаны, ананасы. Йогурты, мюсли, свежие круассаны. Отдельно мармиты с фасолью, беконом, овощами.

– Яйца как приготовить? – стюарт держал блокнот.

– Омлет, – улыбнулась Варя. – И побольше зелени.

Они сели за отдельный столик на четверых, с видом на океан. Подошли остальные. Потопов уже с бокалом чего-то подозрительного, но капитан, проходя мимо, только улыбнулся.

Капитан Дон Чанна был именно таким, каким должен быть капитан яхты. Лет пятидесяти, подтянутый, с обветренным лицом и сединой на висках. Глаза у него смеялись, но в них чувствовалась та твёрдая уверенность, которая бывает у людей, знающих океан лучше, чем собственную квартиру.

Он подходил к каждому столу, здоровался, желал доброго утра, спрашивал, всё ли в порядке. Ни грамма фальши, ни капли подбострастия. Он точно знал границы: где он капитан, а где гости – гости.

Когда он подошёл к столику, где сидел Романов с Ольгой, Толя встал и протянул руку. Капитан пожал её крепко, по-мужски.

– Доброе утро, капитан, – сказал Романов. – Все прекрасно. Спасибо.

– Рад это слышать, – капитан улыбнулся. – Если тебе что-нибудь понадобится, хоть что-нибудь, просто дай мне знать. Мы здесь для того, чтобы сделать ваше пребывание незабываемым.

– Спасибо, капитан. Мы это чувствуем.

Романов говорил спокойно, без лишних слов, как человек, который привык благодарить по делу, а не из вежливости, на отличном английском языке. Ольга смотрела на Толю снизу вверх, и в её взгляде читалось то самое чувство, когда женщина понимает: мужчина, который рядом, её уровня. С ним можно куда угодно.

Ночью он говорил ей вещи, от которых у неё до сих пор тепло разливалось по телу. Шептал на ухо, прижимал к себе, благодарил искренне, жадно, как будто она подарила ему что-то большее, чем просто секс. «Ты невероятная», – сказал он, когда они уже лежали обессиленные. И это было лучше всяких комплиментов. Эта память не отпускала её даже сейчас, как физическое продолжение его присутствия.

Ольга улыбнулась, подперла подбородок рукой, разглядывая его. Солнце било в огромные окна кают-компаний, высвечивая золотые крапинки в её глазах. Она знала, как выглядит сейчас: свежая, сытая, счастливая.

– Сладкого хочешь? – спросила она, беря в руку нож.

– А что предлагаешь? – он смотрел на неё с лёгкой усмешкой, и в этой усмешке было всё: и ночь, и утро, и предвкушение дня.

– Ну, например, тост с мёдом и бананом, – она ловко намазала масло, сверху уложила тонкие ломтики банана, полила мёдом. – Я умею не только это.

Протянула тост к его губам.

– Вижу, – ответил он, откусывая. – Ты вообще много чего умеешь.

– Оценил? – она прищурилась, довольнo откинувшись на спинку стула.

– Оценил.

Она налила ему ананасовый сок, пододвинула стакан. Подождала, пока он сделает глоток, и сказала:

– Сегодня сёрфинг. Посмотрим, какой ты на доске. Я, между прочим, тебя сделаю.

– Серьёзно? – он усмехнулся, откидываясь на стул. – Это вызов?

– Это предупреждение, Романов. – Она смотрела на него в упор, и в глазах горел азарт. – Я умею удивлять.

Он не реагировал на её игру словами, только взглядом.

Она уже видела эту картину: они вдвоём на волнах, он смотрит, как она скользит по воде, и не верит своим глазам. А потом, вечером, он снова будет смотреть на неё так же, как ночью, с восхищением, с голодом, с желанием повторить. Всё складывалось идеально. Солнце, море, молодость, яхта, и этот мужчина напротив, который уже её. Осталось только закрепить. Она подняла свой стакан с соком.

– За сегодняшний день, Романов. Пусть он будет лучше вчерашнего.

Он чокнулся с ней, глаза сверкнули.

– Легко.

Варя видела этот взгляд. Отвернулась к океану. Не потому что ревновала, просто чужое счастье не требует свидетелей. Завтрак пролетел быстро. Все были возбуждены, говорили громко, перебивали друг друга. Сегодня первый день в океане.

Варя достала телефон, открыла чат с туроператором. Там всё было расписано: время, место встречи, имена инструкторов.

«Доброе утро! Где найти моего инструктора по сёрфу?» – написала она.

Ответ пришёл через минуту.

«Доброе! Инструктор для новичков, Кандра, ждёт на пляже, слева от причала. Синяя кепка, доска с зелёной полосой. Вас четверо: Варя, Елена, Светлана, Ирина. Удачи!»

Уже на пляже Варя покрутила головой и сказала:

– Девчонки. Нам туда. Синяя кепка, зелёная полоса.

Девушки оживились. Света хлопнула в ладоши.

– Я так давно мечтала!

Остальные, Романов, Никитин, Потапов, Воля пошли в другую сторону, к стойке с досками для продвинутых. Марина и Ольга ушли арендовать доски.

– Мы на волну! – крикнул Потапов, хлопнув Антона по плечу. – Марина, Ольга! Догоняйте, если сможете!

На пляже было жарко. Песок нагрелся так, что через подошвы чувствовалось. Инструктор в синей кепке, молодой парень с весёлыми глазами, махнул им рукой.

– Новички? – спросил он по-русски с лёгким акцентом.

– Новички, – призналась Варя.

– Отлично. Первое правило серфинга: не бойтесь упасть. Вода мягкая. Второе: слушайте меня и не думайте, что вы умнее океана. Третье: получайте удовольствие.

Он показал, как правильно лежать на доске, как грести, где ставить ноги, когда вставать.

– Самая популярная ошибка, – говорил он, поправляя Светлане руки на доске, – слишком широкая постановка ног. Чем шире ноги, тем сложнее удержать равновесие. И, главное, на берегу вы всё помните, в воде всё забываете. Это нормально.

Варя слушала и запоминала. Она любила учиться новому.

– Вставайте на колени сначала, – сказал инструктор. – Почувствуйте баланс. Потом пробуйте встать на ноги.

Первые попытки были смешными. Елена Грачёва упала сразу, едва коснувшись доски. Света держалась дольше, но волна сбрасывала её снова и снова. Ирина Гордина оказалась самой стойкой, встала раза с пятого и даже проехала метра три.

Варя упала раз десять. Вода заливала нос, волосы облепили лицо, но она смеялась. Каждый раз, когда её сбрасывало, она выныривала и плыла обратно к доске.

– Ты почти! – крикнул инструктор с берега. – Сгибай колени! Центр тяжести в середину!

– Ноги дрожат!

Она попробовала снова. Лёжа на доске, погребла руками, почувствовала, как волна подхватывает, разгоняет. Рывок – колени, рывок – ноги, встать! Мир качнулся, но она устояла. Пять секунд. Десять. Потом доска ушла из-под ног, и Варя снова оказалась в воде. Вынырнула и заорала от восторга.

– Получилось! – кричала она девчонкам. – Я стояла! Вы видели?!

С берега донеслись аплодисменты. А где-то там, дальше, за буйками, ловили волну мужчины. Потапова было видно даже отсюда. Но остальных пока не узнать, среди волн и других любителей сёрфа.

Романов поймал волну сразу. Он лежал на доске, греб быстро, мощно, чувствуя, как вода набирает силу под ним. В момент, когда волна подняла, он сделал рывок и встал.

Это было красиво.

– Это Романов! – завопила Света! – Смотрите!

Он не просто стоял, он летел. Не оглядывался, не искал, кто смотрит. Ему не нужно было подтверждение, только траектория. Доска резала воду, оставляя за собой белую полосу пены. Романов согнул колени, наклонился чуть вперёд, и волна несла его, как щепку, но щепку, которая умеет управлять стихией. Он повернул резко, мощно, и доска послушно легла на другой галс. Брызги взлетали веером. В этом полёте главное было не техника, а внутреннее право так ехать. Как у человека, который привык держать баланс не только на воде.

– А это Антон? Да? Антон? – крикнула Варя, показывая рукой.

Никитин был другим. Более плавный, более текучий. Он двигался так, будто танцевал с волной, а не боролся с ней. Не резал, а слушал волну. Подстраивался и вёл одновременно. В его движениях чувствовалась та особая элегантность, которая бывает у людей, занимающихся этим долго.

Потапов, тот рубил. Мощно, агрессивно, с напором. Он не скользил, он пробивал волну, заставляя её подчиняться. Игорь держался чуть в стороне, но тоже ловил кайф, это было видно даже на расстоянии.

– Да, все наши. А вон и Ольга с Мариной! Как круто! Пока так не умею, но научусь, – без зависти сказала Варя.

Она смотрела и понимала: это не спорт. Это что-то другое. Это разговор с океаном на языке, который понимают только избранные. Романов выехал на берег, прыгнул с доски и, мокрый, счастливый, поднял руки к небу. Волосы прилипли ко лбу, глаза горели. Он повернулся к морю и махнул рукой Ольге.

Ольга выходила из волн, как русалка. Анатолий посмотрел на неё, чуть прищурившись.

– Чисто прошла, – сказал он, ритмично дыша. – Линию держишь. Не дергаешься. Это редкость.

Ольга замерла на секунду.

– Это комплимент?

– Это факт, – ответил он.

Она обняла Анатолия, нежно коснулась губами щёки и не отходила больше. Варя видела, как Ольга смотрит на него. С восхищением. С гордостью. С чем-то большим, чем просто симпатия.

– Она сделала выбор, похоже, – сказала Ирина, показывая глазами на Ольгу.

– Похоже на то, – ответила Варя и снова полезла в воду.

Грачёва смотрела вслед уходящим Ольге и Анатолию и думала: *«Не то. Совсем не то...»*

Глава 8

Заходов на досках было несколько. Все вернулись на яхту уставшие, но абсолютно счастливые ближе к обеду и отдыхали до заката.

Вечер был тёплым, почти ласковым. Солнце садилось в океан медленно, прощаясь. Небо горело оранжевым, розовым, лиловым. Ужин был накрыт на верхней палубе. Гриль, рыба, креветки, овощи, вино.

У всех было приподнятое настроение, даже у Никитиных.

– Антон, я тебя один раз только видел, сам был в стихии, – проговорил Николай, присаживаясь рядом с Никитиными, – но ты длинную волну прошёл до конца фантастически красиво!

– Спасибо, Николай.

– А я видела два раза, – с гордостью проговорила Марина, неожиданно улыбнувшись. – И ты меня сегодня удивил, честно.

Антон посмотрел на жену беззлобно.

– Ну, то ли нас ещё ждёт на Ментавай, – проговорил он загадочно.

– А давайте spoём! – предложил вдруг Потапов. – Есть же песни, которые все знают!

– Давайте! – подхватила Света.

Кто-то начал, и вдруг все подхватили:

– *Настоящему индейцу всегда везде ништяк!*

Пели хором, громко, сначала нестройно, а потом синхронизировались и полилось задорно, от души. Когда запел Романов, все обернулись. Он не просто включился, он перехватил внимание. Начал отбивать ритм хлопками. Потапов подхватил, стуча ладонями по столу, Игорь ложечкой по бутылке. Через минуту стучали все, кто чем.

– А теперь – танцы! – заорал Потапов.

Кто-то включил музыку. Из динамиков грянуло: Рамамба Хару Мамбуру.

– О! Это оно! – крикнул Анатолий и встал первым. Он двигался так, что все замолчали и просто смотрели. Пластичный. Каждое движение выверено, текучее, но с внутренней силой. Бёдра двигались ровно настолько, чтобы это было красиво, плечи жили своей жизнью, руки отдельной. Он не танцевал, он дышал ритмом.

Ольга встала рядом. Она танцевала так же сексуально, как и он, но по-женски, мягко, обволакивающе. Они смотрели друг на друга, отбивали ритм хлопками, в воздухе висело электричество.

Потапов отжигал мощно, размашисто, по-русски. Игорь двигался легко и как-то незаметно всё время оказывался возле улыбающейся, подсказывающей Ирины Гординой.

Елена Грачёва сидела в стороне, не танцевала, но улыбалась впервые за всё время.

– Знаете, – сказала она, глядя на танцующих, – есть теория, что танец, это единственный вид искусства, где человек одновременно и творец, и инструмент, и зритель. Вы сегодня всё сразу.

Ей ответили дружным смехом.

– Лена, не философствуй. Иди зажигать! – крикнул отплясывающий Потапов.

Варя танцевала с удовольствием. Она вышла в круг, двигалась легко, свободно, и вдруг Игорь с Константином подхватили её под руки.

– А ну-ка, – сказал Потапов, – на стол!

– Что? – не поняла Варя.

– Полезай!

Они подняли её легко и поставили на стол. Варя растерялась на секунду, а потом... Скинула обувь и начала танцевать на столе босиком.

Это было невозможно красиво. В её танце не было ничего специального, ничего нарочито сексуального. Это был чистый экспромт. Руки взлетали, как крылья, корпус изгибался, ноги переступали легко, будто она не на столе, а на облаке. Движения не повторялись, каждое было новым, рождалось здесь и сейчас, из музыки, из ветра, из этого вечера.

Все смотрели на неё, потому что это было красиво. Это приковывало взгляд. Романов тоже смотрел. Ольга заметила и прижалась к нему плотнее, возвращая внимание себе. Тело среагировало быстрее головы: пальцы, лежавшие на его предплечье, на секунду сжались сильнее. Потом сразу расслабились, контроль вернулся. Но осадок остался. Рука скользнула выше, к его затылку, пальцы чуть сжались в волосах.

«Только посмей, – стучало в висках. – Только посмей смотреть на кого-то ещё, когда я рядом».

Варя спрыгнула со стола, смеясь, раскрасневшаяся, и Ирина протянула ей бокал.

– Ты гений, – сказала она просто.

– Спасибо. Эх, нужно было на телефон попросить кого-нибудь это зрелище снять, маме выслать. Да разрядился совсем. Забыла поставить, как пришли, на зарядку, – выдохнула Володина.

Варя отпила вино, посмотрела на океан, и ей захотелось отдышаться, побыть немного одной. Она вышла на воздух и легла на шезлонге.

Шум за спиной начал распадаться на отдельные голоса, вечер выдыхался. Кто-то уже спустился в каюты, кто-то допивал вино у борта. Толя стоял у перил, смотрел на океан и чувствовал, как внутри разливается тёплое, почти забытое чувство, он был счастлив.

Ольга подошла сзади, обняла, прижалась щекой к спине.

– Хороший день, – сказала она тихо. – Жду...

Она поцеловала его между лопаток и ушла в каюту. Потапов увидев эту сцену проговорил, как бы в пространство:

– Командир наш, значит, на ночное совещание собирается... Ну-ну.

Романов стоял неподвижно, глядя в темноту. Через минуту подошёл Игорь.

– Толь, у нас по завтрашнему дню вопрос, – сказал он негромко. – Организаторы в чате пишут, надо подтвердить, кто на китов. Мест в лодке всего восемь. А нас одиннадцать.

Толя кивнул, достал телефон. В чате с туроператором висело сообщение:

«Доброй ночи, друзья! Завтра выход на китов. Лодка резиновая, надувная, очень быстрая, но мест всего 8. Кто точно едет, подтвердите до утра. Кто не едет, предлагаем альтернативу: трекинг в горах с местным гидом, потрясающие виды, водопады, джунгли. Очень красиво, не пожалеете! Напишите в чат, кто куда»

Толя прочитал и сразу понял: проблема. Мест восемь, а желающих, все одиннадцать. Кого-то придётся оставлять. В этот момент подошла Марина. Она уже была без Антона, тот ушёл в каюту.

– Романов, мы с Антоном не едем. Я видела сообщение в чате, – сказала она твёрдо. – Я на эти лодки резиновые ни за что не сяду и ему не дам. В горы сходим.

– Серьёзно? – удивился Толя. – Такая возможность китов увидеть...

– Нет, – отрезала Марина и ушла.

Толя переглянулся с Игорем.

– Ну, минус два, – усмехнулся Воля. – Остаётся девять. Всё равно один лишний.

Толя кивнул, задумавшись. Он посмотрел на палубу. Света с Николаем сидели в обнимку у борта. Потапов допивал виски, разговаривая с кем-то по телефону. Варя лежала в шезлонге. Слишком самостоятельная и слишком равная в поле, где он привык быть ведущим.

Романов отвернулся.

– Я решу, Игорь – сказал он коротко.

– Как?

– Организационно. Без лишних разговоров.

Он уже всё решил. Не перебирал варианты. Просто отсёк лишнее. Не потому что она слабее. А потому что рядом с ней он терял управляемость ситуации, а Романов этого не любил. Решение было чётким, простым, почти гениальным в своей простоте.

Он создал новый чат «Киты». Без неё и Никитиных. Быстро и чётко. Так, как всегда решал рабочие задачи. Восемь человек в чате. Восемь плюсов. Восемь мест. Идеально. Он усмехнулся. Это было не подло. Это было просто... удобно. Организационно удобно.

«Ставьте +, если едете. Мест восемь. Остальные в горы. Там тоже интересно. Обещали потрясающие виды».

Телефон завибрировал почти сразу.

Ольга:+

Потапов:+

Игорь:+

Света:+

Николай:+

Елена:+

Ирина: +

Анатолий:+

Восемь плюсов. Чётко.

«Набрали группу 8 человек на китов, остальные 3 человека в горы» – написал он в общий чат для организаторов.

Когда убрал телефон, снова посмотрел на Варю. Она лежала на шезлонге, у самого края палубы, закинув руки за голову. Её телефон валялся на столике рядом, видимо, сел, она к нему не тянулась.

«Если телефон сел, она и в основном бы чате не успела проголосовать, – мелькнуло у Толи. – Ладно. Но так будет наверняка».

Он снова посмотрел на Варю.

«Иди в горы. Там тоже красиво».

Романов прошёл мимо, не глядя в её сторону. Спускаясь в каюту, почувствовал лёгкий укол где-то под ложечкой и сразу отодвинул его. Потому что решение уже было принято. И вырезал из реальности.

Глава 9

Варя проснулась от негромких голосов в кают-компании и лёгкого позвякивания посуды. Несколько секунд лежала неподвижно, ещё не понимая, где находится. Тёплый воздух мягко касался лица, пахло морем и чем-то сладким, то ли манго, то ли кремом от загара.

Она приоткрыла глаза.

Над ней медленно двигалось голубое утреннее небо. Яхта едва заметно покачивалась на волне. Воздух уже прогрелся, тот самый тропический воздух, которым хочется просто дышать. Море было совершенно спокойным, только у самого борта лениво плескалась мелкая рябь, в этом плеске было что-то убаюкивающее.

«Я спала здесь? Всю ночь?»

Варя вдруг вспомнила всё сразу и тихо улыбнулась. Она заснула прямо на палубе, на шезлонге. На ней лежало покрывало из каюты. Кто-то заботливо укрыл её ночью. Рядом лежал телефон, совершенно разряженный.

Варя поднялась, чувствуя, как приятно ноют мышцы после сна на твёрдом. Тело ощущалось лёгким, почти невесомым. Она поймала себя на том, что улыбается, просто так, без причины, потому что утро, потому что море, потому что она здесь, а не в Москве.

Ей вдруг стало очень спокойно. Всё будто шло как надо. Она быстро встала и спустилась в каюту. Ирины уже не было. Варя поставила телефон на зарядку, умылась, почистила зубы, влезла в чистое бельё и лёгкое платье, то самое, с цветочным принтом, которое купила перед отлётом и ещё ни разу не надевала. В зеркало на себя не посмотрела, просто поправила волосы рукой и вышла.

В кают-компании завтракали. Ирина увидела её первой и замахала рукой, как ребёнок, увидевший маму в окне поезда.

– О! Спящая красавица! Не стала тебя вчера будить. Покрывалом накрыла. Когда ещё можно так на улице поспать.

– Точно, – улыбнулась Варя. – Спала прекрасно. Доброе утро всем.

Потапов и Еромолаевы уже вставали из-за стола.

– Так. Я так понимаю, лодка прямо к яхте подойдёт? – уточнил Потапов.

– Да. Утром написали, будет в девять. Так что поторапливайтесь, – сказал Романов, поднимаясь из-за стола и протягивая руку Ольге.

Они вышли, и в кают-компании стало заметно тише. Варя села напротив Ирины. Подошёл стюарт, она заказала манговый сок и глазунью с сыром.

– Я что-то пропустила вчера? – спросила она.

Ирина посмотрела на неё с лёгким сожалением:

– Точно. Ты же заснула. Мы голосовали, кто в горы идёт, а кто китов смотреть.

Варя замерла. Рука, потянувшаяся к салфетке, остановилась на полпути.

– Я не голосовала, – голос дрогнул, хотя она пыталась говорить ровно. – А что было в голосовании?

– Количество мест ограничено. Восемь человек смотрят китов, трое в горы. Резиновая лодка маленькая, больше не помещается. Безопасность.

Ирина говорила спокойно, но Варя вдруг перестала её слышать, будто звук выключили. Лицо потемнело. Опустила глаза. Вилка в руках задрожала. Варя старалась держаться спокойно, но внутри что-то резко провалилось.

– А кто ещё идёт в горы?

– Никитины. Ты не переживай так... Мы же от острова к острову идём. Ещё увидим этих китов. Точно увидим.

Варя медленно покачала головой.

– Это другое, Ирина...

Она смотрела на стол, на белую скатерть, на блестящую вилку в своей руке и вдруг заметила, что вилка дрожит. Сжала её сильнее, но дрожь только усилилась, перекинулась на пальцы, на запястье. Варя подняла глаза на Ирину и выдавила из себя:

– Я пойду... Почитаю чат.

Встала. Перед ней возник стюарт с подносом: глазунья, сок, кофе. Всё так красиво, так аппетитно.

– Мадемуазель уже уходит? – удивлённо спросил он.

– Да. Все было очень вкусно.

Она прошла мимо, чувствуя спиной его недоумённый взгляд. Варя сделала несколько шагов и только в коридоре выдохнула. Ровно в девять к борту яхты подошла резиновая лодка. На палубе сразу стало шумно. Варя слышала голоса Анатолия, Константина, Ольги. Все спускались вниз, надевали ярко-оранжевые жилеты, проверяли камеры и непромокаемые контейнеры для телефонов. Варя осталась в каюте. Она несколько раз внимательно перечитала сообщения в чате. Сначала медленно, потом ещё раз. Но объяснения так и не нашла. Голосования тоже.

Закрывает телефон и подошла к стеклянной двери. За ней плескалось море, гладкое, почти неподвижное. Несколько минут Варя просто смотрела на воду. Но теперь всё вокруг казалось другим. Море осталось таким же. Солнце всё так же поднималось над островами. Вода всё так же мягко блестела, но мир будто потускнел.

Через какое-то время она услышала громкие голоса. Сначала не вслушивалась, но потом узнала Марину и Антона. Слова разобрать было невозможно, но по интонациям было ясно, они ссорились. Вдруг словно включили громкость. Кто-то из Никитиных открыл дверь каюты со стороны моря.

– Ты чем-то недоволен? Тогда принимай решения сам! Сам! Понятно?

– Я не успеваю принимать решения сам! Ты всегда высказываешь, как чёрт из табакерки! И да, я хотел увидеть китов. Не нужно под маской защиты оправдывать свои хотелки и страхи.

– Это вместо того, чтобы сказать спасибо. Жена побеспокоилась.

– Мне не нужно твоё беспокойство! Оставь меня в покое! Просто оставь!

– Господи... Что за пафос. Морепродукты на тебя так действовали?

– Я пойду... Мне душно с тобой в одной каюте. И ни в какие горы я с тобой не иду. В горы ходят с теми, кому доверяют.

Дверь резко хлопнула. По коридору прошли быстрые шаги. Варя тихо выдохнула.

«Не я одна недовольна», – подумала она.

И неожиданно почувствовала, что ей становится спокойнее. И внутри стало тише. Мир не рухнул. Телефон пиликнул. Сообщение от организаторов. Лодка за теми, кто идёт в горы, будет через пятнадцать минут.

Варя высунула голову с террасы, посмотрела на остров. Над ним висело сизое, тяжёлое облако, низкое, почти цепляющееся за вершины. В горах явно сыро.

«Плащ или ветровки хватит?»

Она зашла в каюту, надела лёгкие брюки, футболку, сверху тонкую ветровку. Достала из походной сумочки паспорт – оставить, незачем тащить. Написала организаторам: «*Будет ли дождь? Как одеться?*»

Ответ пришёл через минуту: «*Дождя может не случиться. Тучи легко собираются и рассеиваются в этот сезон. Это остаточное влияние мокрого сезона. Но даже если будет дождь, он краткосрочный. После него всё высохнет прямо на теле. Ветровки достаточно.*»

Варя открыла прогноз погоды. Приложение показывало краткосрочный ливень точно в то время, когда они должны быть в джунглях.

«*Можно ведь не идти.*»

Она замерла, глядя на экран. И вдруг поймала себя на том, что эта мысль плохая. Она глубоко вдохнула.

«Ничего страшного не случилось. Просто немного по-другому сложилось утро».

– Ну уж нет, – сказала она вслух самой себе.

Она ни разу не бывала в джунглях. Это прикольно. Это интересно. Она вышла в коридор, постучала в дверь Никитиных. Открыла Марина, растрёпанная, с красными пятнами на щеках.

– А... Нет, Варя. Мы не пойдём. Голова у меня болит. И вообще...

– Конечно, конечно. Выздоровливай.

Марина закрыла дверь, даже не дослушав.

Варя развернулась, поправила ремень сумки и начала спускаться вниз к лодке. Она идёт. В горы. В джунгли. К чёрту китов.

Глава 10

Лодка летела по воде, подпрыгивая на волнах. Каждый раз, когда нос резко взлетал вверх, а затем тяжело падал вниз, солёные брызги разлетались во все стороны и оседали на лицах прохладной мокрой пылью.

Женщины визжали, как девчонки, подпрыгивая на каждой волне, и их смех смешивался с плеском воды и рокотом мотора. Романов сидел рядом с Ольгой, и каждый раз, когда лодка взлетала над очередным валом, его рука машинально придерживала женщину за локоть, мягко, но надёжно опуская обратно на сиденье ровно в тот момент, когда ноги готовы оторваться от палубы. Ольга обернулась к нему через плечо.

– Если я выживу после этого сафари, ты обязан будешь на мне жениться.

– Не обещаю, – ответил он.

Но улыбнулся.

Потапов сидел на носу лодки, упираясь ногами в сиденье, держался за металлическую дугу.

– Вот это жизнь! – прокричал он в ветер.

Анатолий смотрел на океан. Он никогда не видел китов. Ни разу. Густая синяя вода уходила к горизонту. Иногда лодка взлетала так высоко, что на мгновение казалось под ней пустота. И тогда Анатолий невольно представлял себе, что происходит там, под поверхностью.

Мысль о том, что под их маленькой лодкой могут двигаться сорокатонные животные, одновременно завораживала и тревожила. Время от времени он смотрел вниз, будто надеялся что-то увидеть.

Лодка шла уже почти час. Сначала путь казался бесконечным, океан вокруг одинаково ровным. Люди в лодке постепенно притихли: смех, которым начиналась дорога, рассеялся, разговоры стали редкими. Каждый смотрел вперёд или вниз, пытаясь угадать, где именно в этой бескрайней воде скрывается то, ради чего они вышли в море.

Постепенно океан начал меняться, и первым это заметил лоцман. Он чуть повернул голову, прищурился, будто вглядываясь в едва заметные знаки на воде, и затем медленно убрал руку с газа. Лодка пошла тише, мягче, уже не так резко прыгая на волнах. Лоцман вытянул руку, показал вперёд и крикнул на английском.

– Птицы.

Над водой кружили птицы.

Сначала они казались просто белыми точками в воздухе. Но чем ближе подходила лодка, тем больше их становилось. Птицы двигались резкими, нервными кругами, то поднимаясь выше, то внезапно падая вниз, почти касаясь поверхности воды. Они словно ныряли в океан, едва задев его крыльями, и тут же снова взлетали, уносясь вверх быстрыми, тревожными дугами.

– Рыба, – сказал лоцман.

Он говорил без спешки, почти лениво, как человек, который видит подобное каждый день. Но в его голосе всё же появилась лёгкая улыбка.

– Киты.

Все в лодке словно выпрямились разом. Смех, разговоры, шутки, всё исчезло сразу, будто кто-то незаметно выключил звук. Лодка продолжала двигаться вперёд, но теперь уже осторожно, почти скользя по воде. И тогда это произошло. Над океаном вдруг взметнулся тонкий белый столб. Он возник неожиданно, как короткая струя пара, вырвавшаяся из глубины воды, и завис на мгновение в воздухе, прежде чем раствориться в ветре.

– Смотрите! – шёпотом сказала Ольга.

Через несколько секунд рядом появился ещё один фонтан. Потом ещё. Белые струи поднимались над водой и исчезали так быстро, что казались почти нереальными, как если бы океан вдруг начал дышать. Лоцман заглушил мотор. Наступила тишина. И именно в этой тишине вода рядом с лодкой тяжело раздвинулась. Это произошло медленно, почти величественно. Из глубины поднялась огромная тёмная спина.

Она появилась сначала как тень под поверхностью, потом как плотная масса, которая постепенно вытолкнула воду вокруг себя. Спина была широкой и тяжёлой, и на солнце её кожа блестела мокрым чёрным металлом.

– Боже мой... – прошептала Светлана.

– Ребята и девчата. Без визгов и громких голосов, – предупредил Романов.

Кит плыл плавно, почти лениво. Он не обращал на лодку никакого внимания. Спина медленно скользнула вперёд и снова начала уходить под воду. И тогда над поверхностью поднялся гигантский широкий хвост.

Киты показывались со всех сторон. Щёлкали камеры. Люди молчали, замерев от восторга. Но в следующий момент океан словно взорвался. Из воды резко поднялась огромная голова. На долю секунды гигантское тело зависло над водой, блеснуло и рухнуло обратно. Удар был таким мощным, что вода взорвалась вокруг него огромным столбом брызг. Волна разошлась во все стороны и мощно качнула лодку.

– О Боже! – зажмурилась Ольга, схватив Романова за руку.

Елена закрыла рот ладонями, а Ирина закрыла голову руками.

– Это невозможно...

– Ты сняла?!

– Я сняла?!

Камеры продолжали щёлкать. У Анатолия перехватило дыхание. Он не заметил, как вцепился в борт лодки. В груди что-то сжималось и разжималось в такт движению этих гигантов, и он почувствовал, что улыбается. Глупо, широко, по-мальчишески. Он смотрел на океан так, будто впервые по-настоящему.

Киты двигались вокруг лодки медленно и уверенно. Однажды огромная тень прошла прямо под лодкой. Вода здесь оказалась настолько прозрачной, что в её зелёно-синей глубине вдруг стала отчётливо видна форма гигантского тела – длинная, мощная, невероятно спокойная. Кит двигался медленно, почти лениво, и всё же в этом ленивом движении чувствовалась сила. Когда он проплывал под ними, лодка едва заметно качнулась. Будто океан вздохнул. По спине Анатолия бежали мурашки.

Три часа пролетели незаметно. Ольга сидела на краю скамьи, не дожидаясь возвращения на яхту, и прямо в лодке пересматривала фотографии. Её волосы прилипли к щекам от солёных брызг, глаза блестели от возбуждения, и она время от времени тянула телефон к соседям.

– Смотри, смотри... это же идеальный кадр!

На фотографии кит был пойман в момент прыжка: его тяжёлое тело поднялось над океаном, вода вокруг разлетелась огромным облаком брызг, и на секунду показалось, он летит.

Воля посмотрел на экран и довольно усмехнулся.

– Нэшнл джиогрэфик.

– Абсолютно, – согласилась она, не скрывая гордости.

Когда лодка наконец повернула к яхте, небо нахмурилось. Туча, которую они заметили ещё издалека, настигла их на полпути. Дождь обрушился внезапно, хлестал по лицам, по рукам, по камерам, которые все дружно начали прятать под жилеты. Но никто не злился. Мокрая, счастливая, галдящая компания ввалилась на яхту, где их уже ждали сухие полотенца и горячий чай.

– Господи, я замёрз как собака! – Потапов растирал ладонью мокрую шевелюру. – Но оно того стоило.

– Я чуть не плакала от восторга, – призналась Ольга, кутаясь в полотенце. – Это невероятное зрелище. А сейчас, надо срочно греться. У нас есть виски?

– Есть!

– Это было лучшее решение за всю поездку, – сказал Николай, глядя на океан, который теперь снова казался почти пустым.

Романов кивнул. Он всё ещё чувствовал в теле сильный адреналин.

– Давайте переоденемся и после обеда поиграем! – предложила Ольга.

– Какая ещё игра? – насторожился Потапов.

– «Шляпа».

– Что за шляпа?

Ольга улыбнулась.

– Я всё объясню.

Уставшая команда разбрелась по каютам, привести себя в порядок, принять душ, переодеться. Через час все начали собираться на обед.

Ольга смотрела на Романова. Он вошёл в кают-компанию, вытирая мокрые волосы полотенцем и улыбался открыто. Вспомнила, как он держал её за руку всю дорогу. Как в какой-то момент лодка подпрыгнула на волне, и она чуть не взлетела, прижал, и так и держал, пока они не сбавили ход. Без лишних слов. Без намёков. Просто держал.

А в ливень обрушившийся на лодку, они сидели, прижавшись друг к другу и смеялись, просто потому, что вода текла по телу, потому что весело, потому что рядом.

Она знала эту штуку. Когда вместе переживаешь сильные моменты это связывает быстрее, чем месяцы разговоров. Она смотрела на него, и очень хотела, чтобы это никогда не заканчивалось. Ольга улыбнулась ему через всё пространство кают-компании тепло, открыто, без кокетства. И махнула рукой. Анатолий улыбнулся в ответ и пошёл.

Во время обеда разговоры за столом не прекращались ни на минуту, и казалось, что вся компания одновременно переживает заново то, что только что произошло в океане. Люди говорили наперебой, вспоминали каждую деталь, показывали друг другу фотографии на телефонах, тянулись через стол, чтобы разглядеть чужие кадры, перебивали друг друга и снова возвращались к тем же моментам, которые уже обсуждали несколько раз.

Ольга прокручивала свою галерею и с искренним восторгом показывала экран всем, кто сидел рядом, а Потапов, заглядывая через её плечо, не уставал повторять, что некоторые кадры вполне могли бы попасть на страницы глянцевого журнала. Светлана смеялась так громко, что стюарт, проходивший мимо, несколько раз оборачивался, а Анатолий, не отставал от остальных. Его распирали эмоции, когда он пытался описать те ощущения, которое остаются после встречи с такими существами.

И вдруг в кают-компанию вошла Марина. На секунду разговоры притихли, словно все увидели призрак.

– Вы разве не в горах? – с удивлением произнесла Светлана.

– Мы не пошли. У меня голова разболелась...

Марина говорила сухо, глядя куда-то в сторону, и было понятно: это не вся правда. Но никто не стал уточнять.

– А Варя? – спросила Ирина.

– Варя ушла.

Ирина моргнула. Она почему-то представила Варю одну в джунглях, без компании. И тут же отогнала мысль.

– Ладно, – сказала она тихо.

Появился стюарт с бокалами, а следом, вошёл Антон с телефоном и неизменным скетч-буком в руках. Сел в дальнем углу, взял сок, уставился в телефон. Марина даже не взглянула в его сторону.

– Расскажите хоть, как съездили, – скрипучим голосом попросил Никитин, не поднимая глаз от экрана.

– Да мы не только расскажем. Покажем! – вступил Потапов. – Ольга такие фотографии сделала, сразу в журнал.

И разговоры снова вернулись к китам. В этом общем возбуждении время текло незаметно. К четырём часам Варя не вернулась.

– Долго они там, – заметил Потапов, бросив взгляд в сторону острова.

– Джунгли. Это нормально, – пожал плечами Романов.

– А во сколько мы сегодня отплываем по плану? – нервно уточнила Марина.

– В ночь, как я понимаю, – ответил Игорь. – Завтра утром у нас по программе острова БатУ и дайвинг.

После обеда начали играть в «Шляпу». Карточки со словами быстро появились на столе, кто-то принёс панамку, в которую их начали складывать, и игра почти сразу превратилась в шумный, бесконтрольный поток смеха и криков.

Потапов путал слова и сбивался, из-за чего команда каждый раз взрывалась смехом. Светлана и Ирина несколько раз буквально падали в креслах, не в силах остановиться, а Ольга взяла на себя роль главного организатора. Игра становилась всё громче, всё веселее, и на какое-то время показалось, что день уже полностью сложился в удачное, лёгкое приключение.

Часы показали пять, Варя всё ещё не вернулась.

Солнце пробивалось сквозь тучи, то ярко освещая воду, то берег. Лена, вышедшая на палубу, заметила движение на берегу. Сначала это выглядело совершенно буднично: из-за деревьев появилась одна военная машина, которая медленно выехала на открытую площадку у воды. За ней появилась вторая, потом третья, и вскоре стало ясно, что это не случайная техника, а целая колонна. Лена вернулась в кают-компанию.

– Там что-то случилось.

На неё все подняли головы и начали выходить из-за стола.

– Учения? – предположил Игорь, прищурившись.

– Ни хрена себе учения, – присвистнул Потапов. – Прямо боевая тревога.

– В горах, наверное, что-то... – добавил Воля и запнулся.

Никто не ответил. Просто смотрели.

Через несколько минут над берегом появился первый вертолёт. Он подлетел со стороны моря и завис над линией деревьев. Потом в небе появился второй. Затем третий. Теперь на яхте уже не играли. Люди стояли у борта и наблюдали за происходящим.

Романов достал телефон и написал короткое сообщение организаторам похода с вопросом: когда возвращается группа из гор. Сообщение не отправилось. На экране появилась надпись, что связи нет. Он попробовал ещё раз, но результат оказался тем же. К шести часам на берег начали привозить людей. Машины подъезжали одна за другой, из них что-то выгружали, вокруг бегали люди в форме, и всё это выглядело слишком далеко, чтобы сразу разобраться.

Кто-то пытался открыть новости. Связь ловила плохо или не ловила совсем, страницы загружались мучительно медленно. Романов пошёл к капитану, он уже что-то знал, по рации звучала речь.

Анатолий поднялся в рубку быстро, без суеты, только плечи напряглись, а шаг стал шире.

– В горах сели сошли. Пять лет такого не случалось. Сухой сезон только начался, и земля ещё держала воду, хватило одного ливня, – бросил Романов, вернувшись от капитана.

– В новостях говорят смыто несколько деревень. Есть погибшие, – прочитал Антон, не поднимая головы от телефона.

На яхте наступила тишина.

– Но это же не Варин маршрут? – осторожно сказала Светлана.

– Позвонить Варе? – опомнился Игорь.

– Звоню. Не берёт, – отреагировал Романов.

Он посмотрел на экран лишнюю секунду. Потом резко убрал телефон. Ирина сидела неподвижно, глядя куда-то в стол.

– Вы знаете... – тихо сказала она.

Все повернулись к ней. Она говорила медленно, словно собирая слова прямо на ходу.

– Сегодня утром, когда Варя узнала, что не едет смотреть китов, она так расстроилась... у неё даже руки дрожали... Она ушла, чтобы я не видела, как она плачет.

Романов не двинулся. Только челюсть сжалась так, что стало видно.

– Что будем делать? – нервно спросила Марина.

– Пытаться дозвониться организаторам... – ответил Романов. – И Варваре.

Он уже не смотрел ни на кого. Смотрел мимо. Считал варианты. К берегу с каждой минутой привозили всё больше людей, и пространство у кромки джунглей постепенно превращалось в беспорядочный, спешно организованный лагерь. Военные разворачивали палатки, кто-то вытягивал кабели, кто-то устанавливал прожектора. На берегу двигались люди в форме, непрерывно приносили раненых. В воздухе слышались крики, обрывки приказов, плач. Быстро темнело, но военные врубили мощные прожектора и берег ослеп. Свет был нестерпимо ярким. Он вырывал из темноты не жизнь, последствия.

А потом они увидели, как грузовики подъезжали один за другим, и из них выгружали... что-то, что складывали рядами и накрывали простынями.

– Господи, – выдохнула Светлана. – Это же... это люди.

– ... люди, которых не успели спасти, – механически поправил Романов.

Слово «тела» застряло. Он смотрел несколько секунд. Потом спокойно сказал:

– Я на берег.

Капитан сначала отрицательно покачал головой. Через несколько минут спорить перестали, удерживать его было бесполезно. Лодку начали спускать на воду, и вскоре она уже мягко ударилась о волны у борта яхты. Потапов, Ермолаев и Воля поехали с ним.

Ольга смотрела, как лодка отчаливает, и не могла понять. Он даже не обернулся. Всё, что она говорила – *«Толя, подожди, там опасно»*, *«Толя, пусть сами разбираются»*, *«Толя, ты слышишь меня?»* – всё ушло в пустоту. Он смотрел на берег и не видел её. Не слышал. Будто её не существовало.

Ольга стояла у борта, вцепившись в поручни, и чувствовала, как внутри разливается холодное недоумение. Только что он был здесь, тёплый, живой, её. А сейчас уплывает в темноту, к этим крикам, к этим прожекторам, к этому ужасу и даже взгляда не бросил.

Она не понимала, что происходит. Не понимала, зачем он туда рвётся. Не понимала, почему не слушает. И от этого непонимания внутри росла растерянность. Острая, почти детская. Как будто игрушку, в которую дали поиграть, вдруг отняли и унесли в другую комнату. А она стоит и не знает, вернуть или нет.

– Иногда не стихия забирает людей, – тихо сказала Грачёва, не отрывая взгляда от берега.

– Иногда их забирает чужое решение. И это самое тяжёлое.

Глава 11

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.